

63,4(2)Херс
С 63

СООБЩЕНИЯ

ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

II

13989

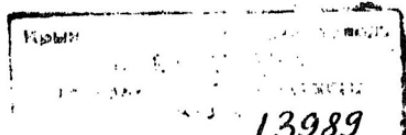
КРЫМИЗДАТ · 1961

63.4(2)X
С 63

СООБЩЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

II

КРЫМИЗДАТ
Симферополь — 1961

Печатается по решению Ученого совета
Херсонесского музея

Под редакцией *И. А. Антоновой* и *В. В. Борисовой*

А. ПУБЛИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

Н. П. СОРОКИНА

АРХИТЕКТУРНАЯ ТЕРРАКОТА ХЕРСОНЕСА

Раскопки городских кварталов античного Херсонеса дали большое количество материала, позволяющего судить о планировке города и его архитектуре. Для реконструкции внешнего вида херсонесских построек и особенно их верхних частей, которые обычно не сохраняются, большое значение имеют обломки различных архитектурных деталей: карнизов, колонн, капителей и т. д. Не последнюю роль в этом играют также черепицы, в том числе солены и калиптеры нижнего ряда крыши, снабженные рельефными украшениями, т. н. архитектурными терракотами.

Коллекция архитектурных терракот из Херсонеса хранится в Государственном Херсонесском музее, но она мало известна, поскольку лишь отдельные экземпляры этих терракот были описаны и изданы. Херсонесские архитектурные терракоты были найдены преимущественно на территории самого города. Исключение представляют два обломка (антефикса и солена с рельефами), обнаруженные на территории некрополя.

Архитектурных терракот Херсонеса найдено сравнительно немного, значительно меньше, чем терракот Боспора.

Херсонесские архитектурные терракоты, особенно антефиксы, сохранились только в обломках. Однако они позволяют судить о том, что херсонесские архитектурные терракоты во многом отличаются от боспорских и ольвийских.

Архитектурные терракоты, найденные в Херсонесе, относятся к IV—II вв. до н. э. Они могут быть подразделены

на две основные группы: сделанные в Херсонесе и завезенные из других центров. Местные архитектурные терракоты более многочисленны. Среди них имеются антефиксы и солены нижнего ряда, торцовая сторона которых орнаментирована.

Форму антефиксов не всегда удается реконструировать полностью.

Однако некоторые экземпляры все же позволяют говорить, что в Херсонесе были распространены антефиксы в виде двойной розетки вытянутой формы и в виде продолговатого щитка с выступами в нижней части.

Первый тип можно назвать „синопским“, поскольку очень близкого вида антефиксы характерны для синопской продукции. Синопские мастерские, начиная с V в. до н. э., изготовляли антефиксы или в виде двойной розетки или с изображением на ее фоне голов божеств. При массовом производстве антефиксов синопцы имели возможность отправлять часть черепицы в города Северного Причерноморья. Такие антефиксы были найдены не только в самом Синопе¹, но и в Пантикапее², Нимфее³, Феодосии⁴ и Ольвии⁵. Синопские черепицы с антефиксами, завезенные в Херсонес, служили образцами, которым подражали херсонесские мастера. Херсонесцы в этом случае поступали очень рационально, так как единая форма херсонесских и синопских черепиц облегчала покрытие и ремонт крыш.

Синопский тип антефиксов представляет одну из особенностей местной херсонесской архитектурной терракоты. Подобный тип не засвидетельствован среди местной архитектурной терракоты других городов Северного Причерноморья.

К синопскому типу херсонесских терракот относятся три антефикса, из которых один сделан в виде двойной розетки вытянутой формы⁶, а два других снабжены изображениями

---

¹ E. Akurgal und L. Budde. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope. Ankara. 1956, стр. 28, табл. XI, а. с. d.

² Синопские антефиксы из Пантикапея не изданы. Хранятся в Гос. Эрмитаже (инв. № 1504), в ГМИИ им. Пушкина (М. 48. Э. XV) 6, № по оп. 249, в ГИМ (141/Б), в Керченском музее (2324).

³ В. М. Скуднова. К вопросу о торговых связях Синопы с Боспором в V в. до н. э. Труды Государственного Эрмитажа, т. II, М.-Л., 1958, рис. 7, 9, 10.

⁴ А. Деревицкий, А. Павловский, Э. Штерн. Музей Одесского общества, вып. I, Одесса, 1897, табл. VI, VII.

⁵ В. М. Скуднова, указ. соч. рис. 11.

⁶ ГХМ, инв. № 4721, 4722. Антефикс состоит из двух обломков. Высота 11,5 см, ширина 16 см, сверху покрыт светло-желтоватым ангобом. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича. Этот антефикс сделан, вероятно, в форме (инв. № 4705, 4976), упомянутой ниже.

голов божеств. В центре одного из последних антефиксов¹, в медальоне, на фоне девяти двойных лепестков находится голова Гелиоса (рис. 1). По своей трактовке голова бога

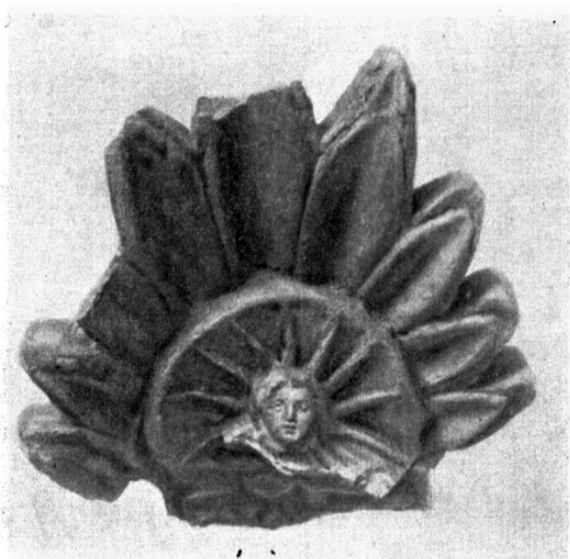

Рис. 1. Антефикс с головой Гелиоса. Вторая половина IV в. до н. э.

близка скульптурам храма Афины в Тегее, сделанным в 370—355 гг. до н. э.² Иконография изображения Гелиоса с лучами вокруг головы, сложившаяся в IV в. до н. э.³, дает основание датировать херсонесский антефикс второй половиной IV в. до н. э.

На втором антефиксе такого же типа, но относящемся к III в. до н. э.⁴, имеется погрудное изображение женщины в невысоком головном уборе и плаще (рис. 2)⁵. Колчан за

¹ ГХМ, инв. № 7241. Высота 18,5 см, ширина 18,2 см. Поверхность антефикса покрыта ангобом желто-зеленоватого цвета. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

² G. Richter. The sculpture and sculptors of the Greek. New-Haven, 1930, фиг. 691, 693.

³ Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mithologie. herausg. von Röscher, Leipzig, I, 1886, стр. 2010.

⁴ Этот антефикс найден в мастерской короπλαста в 1888 г., раскопанный в ней материал относится к III в. до н. э. (Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л. 1948, стр. 82 и сл.).

⁵ Снимок сделан с гипсового отливка, хранящегося в Гос. историческом музее в Москве. В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. МАР, № 7, Спб., 1892, стр. 22, № 4.

Рис. 2. Антефикс с изображением богини Девы.
III в. до н. э.

ее правым плечом указывает на то, что на антефиксе изображена богиня Дева¹.

Изображение голов божеств на херсонесских антефиксах не представляет исключительного явления. Терракоты с такими изображениями, относящиеся к периоду с V в. до н. э. до эпохи позднего эллинизма, известны и в других

¹ В. К. Мальмберг называет это изображение Артемидой. Но нам представляется более вероятным видеть в нем богиню Деву, культ которой был особенно распространен в Херсонесе. Изображения Артемиды и богини Девы очень близки между собой, но, как показали исследования И. И. Толстого (И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика, Спб., 1918, стр. 117 и сл.) и А. Н. Зографа (А. Н. Зограф. Статуарные изображения Девы в Херсонесе. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 339 и сл.), отождествлять полностью их нельзя.

центрах Северного Причерноморья и за его пределами. Например, на Боспоре встречаются изображения Деметры, Кору, реке Гелиоса¹, в Ольвии—Афины², в Синопе — Ио³. Но антефиксы из Херсонеса интересны тем, что они украшены изображениями божеств, которые пользовались особым почитанием в Херсонесе⁴. Поэтому вероятнее всего херсонесские антефиксы предназначались для кровли храмов или каких-либо других значительных зданий общественного назначения и имели при этом апотропеическое значение⁵.

Антефиксы второго типа в виде продолговатого щитка с боковыми выступами в нижней части, имевшие изображе-

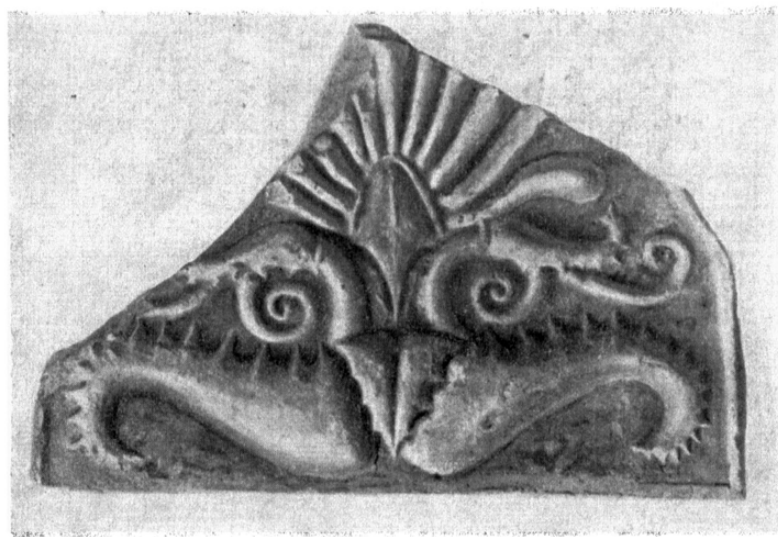

Рис. 3. Обломок антефикса. III в. до н. э.

¹ И. Д. Марченко. О терракотовых антефиксах Пантикапея. Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, рис. 3, 4; Н. П. Сорочкина. Античная архитектурная терракота. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952, стр. 12.

² ОАК за 1905 г., стр. 33, рис. 30; ОАК за 1910 г., стр. 72, рис. 85.

³ E. A. Kirgali und L. Budde. Указ. соч., стр. 28, табл. XI, а.

⁴ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 74 и сл. Культ Гелиоса, по-видимому, имел место в Херсонесе. Об этом свидетельствует тот факт, что Гелиос упомянут в государственной присяге Херсонеса наряду с Зевсом и Девой, как богами, «владеющими городом».

⁵ Антефикс с Гелиосом, вероятно, принадлежит общественному зданию, а не храму, так как известно, что храмы, посвященные Гелиосу, сооружались очень редко (см. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, herausg. von Röscher, I, 1886, стр. 20, 24).

ния пальметты, листьев и побегов аканфа, представлены тремя обломками¹ (рис. 3). Они интересны тем, что на их поверхности сохранились следы раскраски (черного, белого, красного цветов).

Все три обломка близки друг к другу, и нужно думать, что они были изготовлены в одной форме и для одного здания. Один из них был найден Р. Х. Лепером в слое III—II вв. до н. э. Стилистические особенности пальметты² и листьев аканфа позволяют считать, что эти антефиксы были изготовлены в III в. до н. э., вероятнее в первой его половине. Подтверждением этого отчасти может служить поли-

Рис. 4. Обломок родосского антефикса. IV в. до н. э.

¹ ГХМ, инв. № 21147. Наибольшая ширина у основания 10 см, наибольшая высота 10,6 см. Раскопки Х. Лепера, 1909 г.; ГХМ, инв. № 4718. Наибольшая длина 10 см, наибольшая высота 8,5 см. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича; ГХМ, инв. № 7242, длина 21,2 см, высота 14 см. Найден К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1903 г. в насыпи некрополя (ИАК, вып. 16, Спб., 1903, рис. 51).

² Н. П. Сорокина. Архитектурная терракота Фанагории. МИА, 57, 1956, стр. 172.

хромия антефиксов, которая более характерна для архитектурных терракот раннего времени и совсем не встречается во II—I вв. до н. э.

Интересно, что в Херсонесе был найден обломок привозного родосского антефикса IV в. до н. э. (рис. 4)¹. Его формы и орнаменты близки очертаниям и орнаментам херсонесских антефиксов, хотя последние более грубы. По-видимому, привозные антефиксы подобного типа также служили образцами для херсонесских мастеров².

Форма антефиксов второго типа пока не засвидетельствована среди местной архитектурной терракоты ионийских городов Северного Причерноморья нигде, кроме Херсонеса. Но антефиксы подобной формы встречаются с V в. до н. э. в декоре дорической архитектуры Средиземноморья³ и среди архитектурной терракоты III—II вв. до н. э. дорической колонии — Гераклеи Понтийской⁴.

Для украшения соленов нижнего ряда в Херсонесе использовались ионийский и лесбийский кимматии. Ионийский кимматий являлся обычным орнаментом, который можно наблюдать также на многих боспорских и ольвийских черепицах IV—II вв. до н. э. В Херсонесе была найдена форма, при помощи которой штамповался орнамент такого типа, а также один обломок солена⁵, украшенный орнаментом, состоящим из ов и расположенного над ним меандра (рис. 5). Орнамент из ов и меандра на черепицах Северного Причерноморья встречается редко. В качестве аналогии херсонесскому солону можно указать только на один обломок черепицы с таким же орнаментом из Пантикапея, который относится к IV—II вв. до н. э.⁶ Херсонесский солен, орнамент которого отличается более тщательным исполнением, высоким рельефом и довольно хорошо сохранив-

---

¹ ГХМ, инв. № 4717. Наиб. длина 9,5 см, наиб. высота 9,7 см. Глина антефикса близка глине родосских изделий. Поверхность покрыта красной обмазкой. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

² Копирование памятников искусства, пользовавшихся, по-видимому, особым спросом у населения, было принято в Херсонесе. Это хорошо прослежено при изучении готовых изделий и форм, найденных в 1888 и 1889 гг. в развалинах мастерской короπλαста. См. В. К. Мальмберг. Указ. соч., стр. 1 и сл.

³ A. Furtwängler. Aegina. München, 1906, табл. 47, 101.

⁴ Гераклеийские антефиксы такой формы хранятся в Керченском (II—41/72 инв. № 7, К 2586; II—41/56—2596), Феодосийском музеях и Музее изобразительных искусств им. Пушкина.

⁵ ГХМ, инв. № 7245. Высота 10,8 см, длина 12 см. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1904 г. (см. отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. ИАК, 20, Спб, 1906, стр. 47, рис. 23).

⁶ Хранится в Государственном Эрмитаже, II. 1864. 36.

Рис. 5. Обломок солена с орнаментом. IV в. до н. э.

шимися на его поверхности красной, белой и черно-коричневой красками¹, может быть отнесен к IV в. до н. э.

Мы располагаем крайне ограниченным материалом для суждения о полихромии херсонесской архитектуры, поэтому каждый памятник, на основании которого можно получить новые сведения по этому вопросу, представляет большую ценность². Таким памятником является херсонесский солень. В этой связи можно указать на известняковый карниз с ионийским кимматием позднеклассического времени, частично сохранившим синюю раскраску³. Сопоставление обоих

¹ Белой краской окрашены меандр, разделительные стрелки между овами, крупные бусинки жемчужника, рельефная линия, отделяющая меандр от ов, блики на овах. Красной краской — полочка под меандром, двойные мелкие бусинки жемчужника. Коричнево-черной краской — фон под меандром и овами, блики на овах. Овы, чередуясь, покрашены черно-коричневой и красной красками. Нижний обрез солена покрыт светло-желтым ангобом.

² Статья написана до открытия в 1961 г. в ядре башни XVII уникальной коллекции полихромных памятников IV—III вв. до н. э. (прим. ред.).

³ К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, вып. II, Севастополь, 1927, стр. 55, рис. 55.

Рис. 6. Обломок солена с орнаментом. Первая половина III в. до. н. э.

памятников дает возможность судить о некоторых вариантах цветовой гаммы в раскраске архитектурных деталей херсонесских зданий.

Если ионийский кимматий встречается помимо архитектурной терракоты Херсонеса на многих соленах Пантикапея и Ольвии, то лесбийский кимматий в сочетании с полосой растительного орнамента совсем неизвестен в архитектурной терракоте Северного Причерноморья. В Херсонесе же было найдено несколько обломков соленов¹ с подобным орнаментом, применение которого для украшения черепиц надо считать особенностью архитектурной терракоты Херсонеса (рис. 6). Херсонесские солены на основании формы лесбийского кимматия, находящей прямые аналогии с таким же орнаментом на памятниках архитектуры Самофраккии², датируются первой половиной III в. до н. э.

Для изучения техники производства архитектурных терракот Херсонеса очень интересны керамические формы. В Херсонесском музее хранятся три такие формы. Две из них предназначались для штамповки орнаментов на торцах солена (одна — лесбийского³, вторая — ионийского⁴ кимма-

¹ ГХМ, инв. № 4727. Высота 7,8 см, длина 13 см. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича; инв. № 21172, 4712; 4719.

² С. Weickert. Das lesbische Kymation. Leipzig, 1913, стр. 80, табл. VI, в. с.

³ ГХМ, инв. № 4972. Высота 8,2 см, длина 11 см. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

⁴ ГХМ, инв. № 4973. Высота 5 см, длина 15 см.

тив). Нам известны главным образом уже готовые изделия с ионийским кимматием, форм же для нанесения его на черепицы, помимо Херсонеса, нигде в Северном Причерноморье пока не обнаружено.

Рис. 7. Часть сборной формы для изготовления антефикса.

Третья форма использовалась для изготовления антефиксов синопского типа¹ (рис. 7). Она являлась только половиной сборной формы. Мастер мог оттиснуть щиток антефикса, работая лишь двумя подобными формами.

Изучение форм и готовых изделий позволяет отметить некоторые особенности техники изготовления архитектурных терракот в Херсонесе. Например, для херсонесских терракот характерна покрытая зеленоватым или желтовато-розовым ангобом поверхность, что отличает их от боспорских, на которых чаще имеется красноватая лакообразная обмазка. Исходя из наличного материала, можно отметить, что обычай раскраски глиняных архитектурных деталей сохраняется в Херсонесе и в III в. до н. э., т. е. дольше, чем на Боспоре. При изготовлении херсонесских антефиксов иногда применялся способ аппликации, заключающийся в том, что центральное изображение, изготовленное отдельно, накладывалось на пальметту щитка. Таким образом, например, сделан антефикс с головою Гелиоса. Способ аппликации был принят также в синопских мастерских. Боспорскими и ольвийскими мастерами он не применялся.

Группа привозной архитектурной терракоты, найденная

¹ ГХМ, инв. № 4705 и № 4976 (форма состоит из двух обломков). Высота 26 см, ширина 12,4 см, толщина 3,2 см.

в Херсонесе, представлена, главным образом, синопской продукцией IV—II вв. до н. э. — обломками антефиксов¹ и фрагментом симы.

Синопское происхождение этих терракот доказывается не только свойством глины, из которой они изготовлены, но и аналогичными им терракотами, найденными при раскопках Синопы в 50-х годах текущего столетия².

Изучение архитектурной терракоты дополняет наши сведения об экономическом развитии Херсонеса, его культуре и искусстве. Терракоты, вышедшие из херсонесских мастерских, отражают высокий уровень керамического ремесла античного Херсонеса и свидетельствуют о разнообразии ассортимента керамической продукции. Некоторые архитектурные терракоты второй половины IV в. до н. э. позволяют говорить о существовании уже в то время в Херсонесе мастерских, изготавливавших черепицу, хотя и в небольших, по-видимому, количествах. Спрос на черепицу тогда удовлетворялся в основном за счет ввоза.

Подчеркивая значение местной группы архитектурной терракоты, нельзя приуменьшать важность привозной терракоты. Она позволяет установить центры, с которыми поддерживал Херсонес торговые связи. Основным центром, откуда поставлялась сюда черепица в IV—II вв. до н. э., была Синопа. Синопская продукция оказала большое влияние на устройство херсонесских черепиц и на форму архитектурных терракот, в частности антефиксов.

Л. Г. КОЛЕСНИКОВА

СТЕЛЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОРУЖИЯ

Среди надгробных памятников, найденных в Херсонесе, выделяется небольшая группа однотипных стел эллинистического времени с рельефным изображением оружия.

Все надгробия этого типа были найдены еще в дорево-

---

¹ Изображения некоторых антефиксов, представляющих полную аналогию синопским антефиксам из Херсонеса, приведены, например, в работе В. Ф. Гайдукевича (В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические мастерские Боспора. ИГАИМК, вып. 104, М.-Л., 1934, стр. 226, рис. 63), в статье В. М. Скудновой (В. М. Скудиова. К вопросу о торговых связях Синопы с Боспором в V в. до н. э. Труды Госу арственного Эрмитажа, т. II, М.-Л., 1958, стр. 81, рис. 11) и отчете Е. Akurgal и L. Budde (E. Akurgal und L. Budde. Указ. соч., табл. XI, с. d).

² E. Akurgal und L. Budde. Указ. соч., табл. XI, с. d, XII с.

люционный период¹. Отдельные из них опубликованы², однако специальной работы, посвященной им, в литературе нет. Данная статья является попыткой в некоторой степени восполнить этот пробел.

В Херсонесском музее в настоящее время имеется восемь надгробий рассматриваемой группы. Кроме того, три надгробия известны по материалам фотоархива и отчетам К. К. Косцюшко-Валюжинича³.

Все надгробия сделаны из местного сарматского известняка в форме узких плит, чуть расширяющихся книзу. Предметы вооружения выполнены в низком рельефе. Характер изображения повторяется в двух вариантах. В первом случае центральное положение на лицевой стороне плиты занимают перекрещенные меч и лук. На надгробиях второго варианта — круглый выпуклый щит, ниже которого, на фоне защитного коврика, помещены скрещенные лук и меч. Из восьми надгробий первого варианта наиболее интересны четыре — одно целое с полностью сохранившимся рельефом и три фрагментированные с надписями. Приводим их описание.

Стела (рис. 1 а) имеет высоту 1 м 47 см, ширину сверху (у карниза) 29 см, внизу (у цоколя) 34 см, толщину 15 см⁴. Высокая узкая плита памятника суживается сверху и постепенно расширяется книзу. Верх надгробия венчает профилированный карниз с пятью антефиксами (правый крайний сбит), низ имеет цоколь с шипом для крепления. Скрещенные меч и лук составляют основное содержание рельефа. Изображение лука дано в виде плоской вертикальной неширокой планки, у левого обреза которой узенькой полоской выступает тетива. Меч в ножнах продет между тетивой и луком по диагонали слева направо. Рукоять меча с навершием в виде усеченного конуса, перекрестие и полукруглый конец ножен частично выступают за пределы плиты. Рельеф украшен двойными розетками. Две из них помещены у верхнего конца лука и по одной — на каждой боковой стороне плиты.

Г. Кизерицкий и К. Ватцингер предполагали, что на свободном поле плиты выше розеток была надпись, которая

---

¹ После написания статьи, в 1960—1961 гг., С. Ф. Стржелецким при исследовании башни XVII были обнаружены новые надгробия этого типа со следами росписи. Они требуют специального исследования и будут опубликованы в последующих выпусках „Сообщений“.

² IosPE, 1², № 467, 481; К — W, № 45—47; ИАК, вып. 14, стр. 106, № 14; В. Д. Б л а в а т с к и й. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 76 и сл., рис. 32, 35.

³ Фотоархив ГХМ, № 141, 574; ИАК, вып. 25, стр. 141.

⁴ Инв. № 4460.

a

в

г

Рис. 1. Надгробия первого варианта.

со временем исчезла, так как написана была краской¹. Возможно, что краской были подчеркнуты и детали рельефа.

Стела (рис. 1 б) — высота 45 см, ширина вверху 25 см, внизу 28 см, толщина 13 см². Уцелел верх памятника с изображением верхней части лука и двух двойных розеток с резными лепестками. На боковых гранях розеток нет.

Выше рельефа на ровной поверхности плиты крупными буквами высечено имя погребенного ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥΣ ΠΟΛΥΔΡΧΟΥ (Аполлоний, сын Полиарха).

Стела (рис. 1 в) сохранилась высотой 45 см; ширина вверху (у карниза) 22 см, внизу 23 см, толщина 14 см³. Верх надгробия имеет карниз, пять антефиксов которого совершенно сбиты. Изображение скрещенных мечей и лука сохранилось частично. Розетки ординарные. Имя умершего ΛΑΓΟΙΟΥΣ ΠΑΡΜΕΝΟΝΤΟΥΣ (Лагой, сын Парменонта) высечено в неглубоком прямоугольном углублении. Буквы надписи были прорисованы темно-красной краской, остатки которой видны на их поверхности.

Этой же краской обрамлены края углубления для надписи и украшена орнаментом в виде ов на нижняя полка карниза.

Стела (рис. 1 г) также сохранилась на высоту 45 см, ширина ее вверху (у карниза) 29 см, внизу 29,2 см, толщина 12 см⁴. Двойные розетки и верх лука — все, что осталось от рельефа. Надгробие имеет профилированный карниз с пятью антефиксами. Ниже карниза в специальный паз вставлена прямоугольная мраморная плитка с надписью ΗΡΟΦΑΝΤΟΥΣ ΘΕΟΦΑΝΤΟΥ (Герофант, сын Феофанта).

Буквы надписи окрашены краской красной. Этой же краской написан орнамент в виде ов на нижней полке карниза, прорисованы узкой полоской все продольные грани лука и тетивы, и на левой боковой стороне вниз от розетки на расстоянии 1,5 см друг от друга идут две красные полосы шириной в 1,3 см каждая.

Второй вариант представлен тремя надгробиями.

Стела (рис. 2 а) высотой в 60 см, шириной вверху (у карниза) 28 см, внизу 30 см, толщиной 13,2 см⁵. Уцелела верхняя половина надгробия, увенчанная профилированным карнизом с пятью плохо сохранившимися антефиксами. Под карнизом на лицевой стороне памятника имеется прямоугольное углубление для вставки, очевидно, мраморной плитки с именем погребенного.

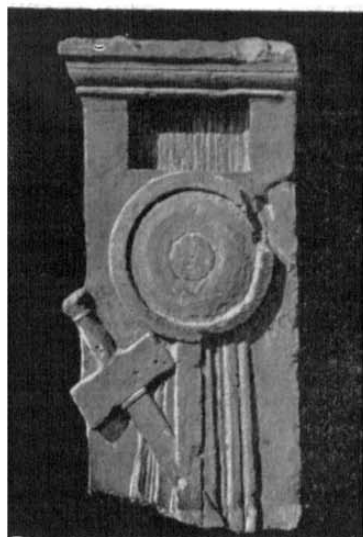
¹ К — W, № 47.

² Инв. № 3654.

³ Инв. № 3642.

⁴ Инв. № 4609.

⁵ Инв. № 4446/2.

а

б

Ниже вставки все поле надгробия занято изображением оружия. Почти полностью сохранился небольшой (диаметром 22 см) круглый выпуклый щит с узким рельефным ободком и прочерченным в центре кругом диаметром 5,5 см. От щита вниз тяжелыми прямыми складками, расходящимися книзу веером, спадает защитный коврик. На фоне коврика помещены скрещенные меч и лук. Трактовка этого мотива в обоих вариантах имеет абсолютное сходство.

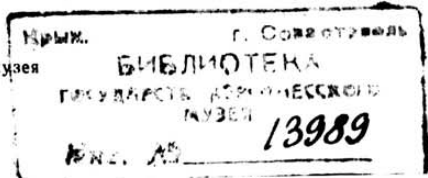
Стела (рис. 2 б) — высота 56 см, ширина вверху 28,5 см, внизу 29,7 см, толщина 10 см¹. Верх и низ плиты отбиты. Рельеф сохранился частично — защитный коврик, лук и часть меча без рукоятки. Как и в первом варианте, здесь ножны меча также заканчиваются полукружием, остатки которого видны у нижнего облома плиты. Края ножен очерчены прямой врезанной линией.

в

Рис. 2. Надгробия второго варианта.

¹ Инв. № 4446/1.

Стела (рис. 2, в) — высота 86 см, ширина 32 см, толщина 17 см¹. Утрачен низ плиты с частью изображения, сбиты карниз и рукоять меча. Рельеф имеет полное сходство с предыдущими и отличается только пропорциями.

Сходство изображения скрещенных меча и лука на стелах, их трактовка, а также форма и материал плит, размеры и пропорции деталей — все это объединяет надгробия обоих вариантов в единую группу.

Характер и особенности стиля свидетельствуют о раннеэллинистическом происхождении этих памятников. Форма их простая и строгая. Постепенное сужение плиты кверху придает надгробиям легкость и стройность, а наверху в виде карниза с антефиксами — законченность формы.

Рисунок невысокого рельефа чрезвычайно простой, ясный и четкий. Моделировка сдержанная, местами почти плоскостная.

Надгробия имеют раскраску, характерную для памятников эллинистической эпохи. У некоторых из них на полках карнизов сохранился орнамент из ов. Красной краской прокрашено свободное поле между овами, которые в свое время были, очевидно, расписаны нестойкими красками холодных тонов. Две красные полосы, идущие вниз от боковой розетки на стеле, изображенной на рис. 1 г, по всей видимости, являются лентами, которыми обычно древние греки украшали памятники умершим². Как правило, надгробия этого типа имеют розетки одинарные или двойные, иногда с резными лепестками, чаще без резьбы. Во всех случаях розетки помещены в верхней части плиты: всегда по две на лицевой стороне и иногда по одной на боковых.

Тип стел в виде высокой зауженной вверху плиты, увенчанной карнизом или фронтоном и украшенной розетками, является господствующим в Северном Причерноморье в IV—III вв. до н. э.³

К этому времени относятся и херсонесские надгробия с изображением оружия. На эту же дату указывают и надписи, сохранившиеся на некоторых надгробиях второго варианта. Надгробие Аполлония, сына Полиарха (рис. 1 б), В. В. Латышев относит ко второй половине IV в. до н. э.⁴, надписи на надгробиях Лагоя, сына Парменонта, и Геро-

¹ В фондах музея памятника нет. Все данные взяты из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича. ИАК, вып. 25, стр. 141, рис. 31; в фотоархиве ГХМ имеется фотография памятника № 141.

² Д. А. Жарнинов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг, В. И. Стерлигов. Древний мир в памятниках его письменности, ч. II, М., 1921, табл. III, № 6.

³ K—W, № 58, 65; IosPE, 1², № 488, 520, 711, 712.

⁴ IosPE, 1², № 467.

фанта, сына Феофанта (рис. 1 а, з), датируются III в. до н. э.¹

В связи с установлением даты нельзя не обратить внимания на обстоятельство находки первой стелы первого варианта².

Она найдена в 1892 г. во время раскопок могильника у южной оборонительной стены в цистерне грушевидной формы³, вырубленной в скале и забитой землей, щебнем и обломками амфор. Здесь же были найдены четыре клейменные амфорные ручки. На одной из них надпись ΝΕΓΠΟΛΙΟΥΣ⁴. Над заброшенной цистерной в римское время была сооружена могила⁵.

Имя ΝΕΓΠΟΛΙΟΥΣ встречается в Херсонесе не только на амфорных ручках⁶, но и на монетах⁷ и в лапидарной эпиграфике⁸. Во всех случаях памятники с этим именем прослеживаются с IV по II в. до н. э.

Таким образом, надписи и стиль датируют херсонесские надгробия с изображением оружия второй половиной IV—III вв. до н. э., а надпись на одной из найденных амфорных ручек подтверждает это время.

Перейдем к рассмотрению оружия. Щит на рельефах круглый, с узким ободком по краю, несколько выпуклый и небольшой по размерам. Изображение круглого щита имеется на херсонесских бронзовых монетах IV в. до н. э. Тип монет один: на лицевой стороне изображена квадрига с возницей, а на оборотной — бородатый обнаженный воин в остроконечном шлеме. Припав на правое колено, воин прикрывается небольшим круглым щитом слева, правой рукой он держит на изготовке копье. А. Л. Бертье-Делагард считает, что на монетах изображен херсонесский воин, шлем и копье которого, вероятно, относятся к типу македонских⁹. К тому же типу, по всей видимости, относится и щит, помещенный как на монетах, так и на надгробиях. Изображе-

¹ IosPE, 12, № 481; Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Архив отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР, 1959.

² Все остальные найдены в насыпи некрополя и в кладках средневековых стен. Обстоятельства находки надгробий первых двух стел второго варианта неизвестны.

³ Г. Д. Белов считает эти цистерны эллинистическими. См. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л. 1948, стр. 41.

⁴ Легенды остальных трех К. К. Косцюшко-Валюжинич нигде не дает.

⁵ ОАК за 1892 г., стр. 108.

⁶ Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 119. № 77.

⁷ Хсб, вып. IV, стр. 116, 121, 124.

⁸ IosPE, 12, 505.

⁹ А. Л. Бертье-Делагард. Монетные новости городов Тавриды. ЗООИД, т. XXX, стр. 40—46.

ние аналогичных щитов македонского происхождения имеется, например, в рельефном орнаменте из воинских доспехов на фризе храма Афины Полиады в Пергаме¹.

В настоящее время известно немало изображений, на которых щит имеет прикрепленный снизу коврик для защиты ног воина. В Клазоменах в Лидии обнаружены саркофаги VI в. до н. э. с расписными стенками, где воины держат щиты, от которых вниз свешиваются куски защитной ткани. В Ликии произведения скульптуры V—IV вв. до н. э. имеют изображения этих щитов, и, наконец, аттическая вазовая живопись дает те же примеры².

По мнению В. Мальмберга, подобные коврики как защитные приспособления появились первоначально у малоазийских греков, а затем нашли свое применение в Аттике в период греко-персидских войн (V в. до н. э.). В Малой Азии эти приспособления были на вооружении дольше. Объясняется это тем, что малоазийским грекам приходилось постоянно иметь дело с легковооруженным противником³.

В Северном Причерноморье применение ковриков вызвано теми же причинами. Здесь, как и в Малой Азии, против греков выступало войско, большая часть которого состояла из лучников⁴.

Полное изображение меча в ножнах имеется только на одном рельефе (рис. 1). Это прямой обоюдоострый меч-ксифос — широко распространенный вид оружия греческих гоплитов V—III вв. до н. э. как в Греции, так и на периферии⁵.

Подлинных ксифосов в Херсонесе не найдено⁶. Но несомненно, что воины Херсонеса тоже применяли этот вид оружия, о чем свидетельствуют скульптурные изображения мечей, а также широкое распространение их на Боспоре⁷.

Изображение лука очень условное, до предела схематичное и упрощенное. Подобная трактовка лука нам нигде не встречалась⁸.

Стиль и тип надгробных памятников, а также изображе-

¹ *Altertümer von Pergamon*. Berlin. Tafel XLIV, XLVII.

² В. Мальмберг. К вопросу о древнегреческом вооружении. Щиты с ковриками. УЗКУ, год LVII, книга II, стр. 289—295.

³ Там же, стр. 292.

⁴ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 76.

⁵ Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, № 33, стр. 136—137.

⁶ Имеющиеся обломки настолько невыразительны, что тип меча по ним восстановить невозможно.

⁷ Н. И. Сокольский, указ. соч., стр. 136.

⁸ Новые находки стел этого типа позволяют дать и другое толкование узкой планки в центре плиты. По всей видимости, это португепя или лента победителя. В данной статье мы пользуемся первоначальным общепринятым толкованием, так как вновь открытые памятники этой группы требуют специального исследования.

ние греческого вооружения свидетельствуют о том, что стелы выполнялись греческими мастерами, которые сохранили чисто греческие формы надгробных плит и создали своеобразный и оригинальный рисунок воинских доспехов.

Можно с уверенностью сказать, что это памятники херсонесского происхождения, так как сделаны надгробия из местного сарматского известняка, а характер изображения оружия и композиция рельефного рисунка не имеют себе аналогий в других центрах.

Время существования рассматриваемых надгробий совпадает с периодом укрепления обороны города, перестройки, усовершенствования оборонительных сооружений и организации в Херсонесе стараниями Агасикла постоянного гарнизона¹. Вполне возможно, что при гарнизоне была создана своя мастерская, где изготавливались однотипные надгробные памятники воинам, павшим в бою.

А. П. ИВАНОВА

МРАМОРНАЯ ФИГУРКА МАЛЬЧИКА

При раскопках херсонесского некрополя к юго-востоку от башни Зенона в насыпи могилы № 48 30 июня 1909 г. Р. Х. Лепером была найдена миниатюрная мраморная фигурка мальчика (0,085 × 0,035 × 0,020 м), хранящаяся в настоящее время в Херсонесском музее (инв. № 5264, полевая опись 1909 г. № 4129)². Фигурка обнаженная, мальчик изображен сидящим в три четверти поворота вправо, правая нога опущена, левая согнута в колене и поднята на сиденье. Руки сложены на левом колене и подпирают левую щеку. Голова повернута в три четверти влево. Лицевая сторона фигурки слегка отполирована. Левый бок обработан суммарно и не имеет полировки. Спина повреждена (рис. 1 а, б, в).

Кого изображает фигурка?

Известны довольно многочисленные мраморные, бронзовые и терракотовые статуэтки эллинистического и римского времени, изображающие сидящего, чаще всего спящего

¹ IosPE, 1², 418.

² Хсб. II, Севастополь, 1927, стр. 196, рис. 3, 2 на стр. 204, Архив ГХМ, дело № 70, л. 16, дело № 102, полевая опись 1909 г. В печатном отчете в Херсонесском сборнике III нумерация могилы изменена — она помещена под № 33, а не 48, как в рукописном дневнике Р. Х. Лепера и в полевой описи. Мы следуем архивным данным.

a

б

в

Рис. 1. Мраморная фигурка мальчика.

ребенка в позе, более или менее близкой херсонесской фигурке. Иногда в такой позе изображается Эрот. Характерным примером может служить бронзовая статуэтка, толкование которой не оставляет сомнений, так как ясно видны атрибуты Эрота—лук и колчан со стрелами, за спиной крылья¹. Поза очень близка к херсонесской фигурке, только правая нога не опущена, а слегка согнута в колене и протянута вперед.

В такой же позе часто изображают рабов-варваров, в частности негров². В Национальном музее в Риме имеется статуэтка раба в коротком хитоне и фригийском колпаке. Ноги его в том же положении, как и у херсонесской фигурки, правая рука опущена, левая согнута в локте и подпирает голову³. Иногда черты варвара придавались изображению Эрота. Такова, например, терракотовая статуэтка Одесского музея. Изображен Эрот спящим сидя. На голове у него фригийский колпак, на ногах узкие штаны с узором, отличающим преимущественно восточные одежды; узор этот состоит из двух узких продольных полос, между которыми размещены вытянутые в одну линию кружки или точки⁴. В характеристике лица Эрота А. Деревницкий подчеркивает также черты не греческого, а, как он полагает, скифского типа.

Херсонесская фигурка не имеет никаких атрибутов, которые позволяли бы считать ее изображением Эрота, Гипноса или иного мифологического персонажа. Повреждение спины не дает возможности установить, были ли у мальчика крылья. В то же время она совершенно лишена признаков негреческого типа.

На наш взгляд, Р. Х. Лепер совершенно необоснованно назвал фигурку уродливой⁵. Сравнительно хорошо сохранившаяся головка может быть сопоставлена с эллинистическими статуэтками детей, которые обычно связывают с кругом Бозфа Калхедонского⁶. Характерны ее пропорции—ши-

---

¹ S. Reinach, Répertoire de la statuaire, т. II, ч. 2, Paris, 1931, стр. 448, рис. 6; близка к ней статуэтка Гипноса из Кельна, S. Reinach, ук. соч., т. IV, Paris, 1913, стр. 554, рис. 4.

² S. Reinach, Répertoire de la statuaire, т. II, ч. 2, Paris, 1931, стр. 562, рис. 2, 4, т. III, Paris, 1920, стр. 158, рис. 8, 10; иногда эти статуэтки делались из черного камня, ук. соч., т. III, ч. 2, Paris, 1931, стр. 562, рис. 6.

³ S. Reinach, Répertoire de la statuaire, т. III, Paris, 1920, стр. 158, рис. 2, R. A. 1902, 1, стр. 399.

⁴ А. Деревницкий. Несколько греческих статуэток из собрания Одесского общества и А. И. Нелидова, 300 и Д., т. XVIII, 1895, стр. 246 и сл.

⁵ Хсб, II, стр. 196.

⁶ Л. И. Гаталина. Античные статуэтки детей в собрании Эрмитажа, Л., 1959, стр. 18, см. рис. 5, 6, 8, 9, 10.

рокий и сравнительно короткий овал лица, а также пухлые детские формы лба и щек. Характерно также, что голова по сравнению с фигурой изображена довольно большой.

Можно привлечь в качестве аналогии детскую головку, найденную Б. В. Фармаковским при раскопках эллинистического дома в Ольвии¹, несомненно, связанную с кругом Боефа.

Среди ольвийских скульптур имеется статуэтка спящего Эрота² (рис. 2). Она найдена в 1894 г. и хранится в Одесском археологическом музее. Эрот не сидит, а стоит, опираясь на факел и положив правую руку и голову на левое плечо. Подобные изображения Эрота, имевшие хтоническое значение, были широко распространены в римское время. Особенно часто они встречаются на пеплохранительницах и саркофагах, преимущественно детских, как аллегория вечного сна смерти³. Трактовка детского тела связана с традициями школы Боефа, но, как и другие подобные памятники римского времени, одесская статуэтка носит несколько трафаретный характер, значительно уступая в живости и выразительности своим эллинистическим прототипам.

Рис. 2. Мраморная статуэтка спящего Эрота из Ольвии. Одесский музей.

Изображения детей встречаются в греческом надгробном рельефе, а также среди надгробных и посвященных статуй, начиная с IV в. до н. э.⁴ Однако в этих ранних памят-

¹ Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1902—1903—гг. ИАК, вып. 13, т. I, стр. 211, рис. 156.

² С. А. Жебелев. Памятники классической скульптуры, хранящиеся в музее Одесского общества, ЗООИД, т. XXIII, Одесса, 1900, стр. 69 и сл., рис. 3.

³ M. Collignon, *Les statues funéraires dans l'art grec*, Paris, 1911, стр. 329 и сл., рис. 208; G. Calza, *La necropoli del Porto di Roma nell'Isola Socra*, Roma, 1940, стр. 200 и сл., № 9, рис. 104; F. Cumout, *Recherches sur le symbolisme funéraire des romains*, Paris, 1942, стр. 408.

⁴ M. Collignon, *ук. соч.*, стр. 192 см; А. И. Вошинина, *статуэтка девочки из Ольвии*, СА, XXVIII, М., 1958, стр. 120 и сл.

никах характерные особенности детской фигуры переданы значительно менее точно и детально, чем в эллинистической скульптуре круга Бозфа и в херсонесской фигурке. Особенно выразительна в этом смысле ее головка. Труднее судить о трактовке тела—детали почти неразличимы, так как поверхность сильно стерта и сбита. Но несомненно характерны пропорции полных и пухлых детских ножек. Округлые линии плеча и спины позволяют догадываться, что тело отличалось той же пухлостью форм.

Сопоставление херсонесской фигурки с памятниками круга Бозфа позволяет решить, к какому времени она относится. Фигурка не могла быть сделана ранее II в. до н. э. Вместе с тем общий характер исполнения—живой и свободный—говорит против чрезмерно поздней даты. Вряд ли она может быть позднее I в. до н. э.

Основная масса памятников, привлеченных нами в качестве параллелей,—самостоятельные статуэтки. Многие из них относятся к скульптуре малых форм.

Каково же было назначение херсонесской фигурки? Р. Х. Лепер называет ее статуэткой¹. На наш взгляд, фигурка—скорее часть рельефа. Это наглядно подтверждается различиями в обработке разных ее сторон, в частности наличием полировки только на лицевой стороне. По-видимому, фигурка была прислонена к какому-то фону. В пользу такого предположения говорит и ее монолитный характер—она высечена целиком из одного куска мрамора, причем нигде нет просветов между туловищем, головой, ногой, рукой и т. п.

Все эти наблюдения доказывают, что херсонесская фигурка не была самостоятельной скульптурой, и позволяют предположить, что это деталь надгробия. Такое толкование подсказывают широко распространенные статуэтки сидящих рабов, которые мы приводили выше. Можно привести пример подобного изображения в аттическом надгробном рельефе: это знаменитая стела с реки Иллиса второй половины IV в. до н. э.¹ с изображением умершего юноши, на которого с выражением глубокой скорби смотрит его отец. В левом углу, у ног главной фигуры, сидит плачущий мальчик². Голову он положил на колени (в отличие от херсонесской фигурки, у которой она несколько приподнята и повернута влево). Может быть, он смотрит на умершего, который в таком случае должен был находиться слева от него, а рассматриваемая фигурка занимала первый угол рельефа.

¹ Хсб. II, стр. 196.

² R. Hamann, *Geschichte der Kunst von der Vorgeschichte bis zur Spätantike*, Berlin, 1957, стр. 719, рис. 748.

Пропорции мальчика на стеле с Иллиса значительно отличаются от херсонесской фигурки и статуэток школы Боэфа—на этой стеле изображен подросток десяти-двенадцати лет. Размер фигурки сильно приуменьшен по сравнению с фигурами умершего и отца. Так обычно изображаются рабы на стелах Северного Причерноморья, в том числе и Херсонеса, а также Малой Азии, Фракии и ряда других областей, но для аттического надгробного рельефа IV в. такая разномасштабность является исключением. Видимо, и масштаб рассматриваемой херсонесской фигурки был сильно приуменьшен, хотя трудно говорить об этом с уверенностью, не зная размеров всего надгробия. Не исключена возможность, что фигурка изображала не раба умершего, а его ребенка, так как у нее нет никаких традиционных атрибутов слуги¹. В пользу этого предположения говорит также большая живость и выразительность в характеристике детского возраста.

Фигурка выполнена мастером, хорошо знакомым с произведениями Боэфа Калхедонского и его школы. По-видимому, она принадлежала к надгробию II—I вв. до н. э. Этой датировке не противоречат и обстоятельства ее находки. Могила № 48 относилась, очевидно, к римскому времени. Но фигурка, найденная в насыпи, может быть значительно более ранней, тем более, что она является фрагментом, по-видимому, давно разбитого надгробия.

З. А. БИЛИМОВИЧ

ГРАФФИТО НА ЧЕРНОЛАКОВОЙ ТАРЕЛКЕ

В 1893 г. в Херсонесе при раскопках верхней части некрополя около южной оборонительной стены К. К. Косцюшко-Валюжиничем в гробнице № 315 вместе с костяком и с обломками черепиц был найден фрагмент чернолаковой тарелки с интересным граффито².

В числе других археологических материалов фрагмент этой тарелки поступил в 1894 г. в Эрмитаж³.

Фрагмент представляет собой часть тарелки с вертикальным бортиком на низкой кольцеобразной подставке. Внутри

¹ См. E. fuhl, Das Beiwerk auf den ostgriechischen Grabreliefs, J. d. G., XX, 1905, стр. 67 сл.

² ОАК за 1893, стр. 59, № 315.

³ Эрм. X, 1893, длина 16 см, ширина 13,4 см, высота 4 см.

на дне имеется орнамент в виде пяти вдавленных концентрических колец. Здесь же сохранился след от другого сосуда в виде кольца, неправильно расположенного по отношению к центру. Это кольцо без лака, так как лак пристал к подставке стоявшего на тарелке сосуда при обжиге.

Рис. 1. Фрагмент чернолаковой тарелки с графитом.

Цвет и состав глины, состав лака, а также техника выполнения тарелки дают возможность считать, что она является изделием местного производства.

Простая кольцеобразная подставка, широкие, врезанные внутри грубо исполненные кольца, невысокого качества лак с графитным оттенком и с выступающими бурыми пятнами — все это позволяет отнести фрагмент к III—II вв. до н. э.

На наружной стенке тщательно выцарапана надпись $\Theta\epsilon\omicron\upsilon\upsilon\tau\omicron\upsilon$ ¹ (рис. 1). Первая буква „ Θ “ написана крупно, вторая „ ϵ “ значительно меньше. Следующие за ними буквы — „ $\omicron$ “, „ γ “, „ ν “, „ τ “ и предпоследнее „ $\omicron$ “ — меньше первых

¹ И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.-Л., 1953, стр. 64, № 93.

двух, все они примерно одной величины. Конечная „Υ“, написана опять крупнее. Писавший, начертав первую букву, перешел на мелкий шрифт, а в конце, увидев, что место осталось, написал опять крупно. Заглавной буквой первая быть не может, так как греки заглавных букв не выделяли (рис. 1).

Надпись означает мужское имя в родительном падеже, указывающее на принадлежность вещи Феогнету, погребенному, вероятно, в этой могиле. Имя составлено из двух корней греческих слов: θεός и глагола γίγνομαι¹ и имеет значение „божественного происхождения“, „родившийся под покровительством бога“².

Надпись эта представляет большой интерес, в частности, и потому, что в ней необычайно четко написана буква Θ (тета), сравнительно мало встречающаяся в граффити. Нам удалось проследить различные формы этой буквы в надписях на вазах и на обломках ваз, происходящих из греческих городов Северного Причерноморья и хранящихся преимущественно в собраниях Эрмитажа. Эта буква встречается на протяжении нескольких веков в различных вариантах и на лачидарных памятниках³. Варианты отличаются один от другого знаком, стоящим внутри круга буквы. Различия заметны в размерах теты (она меньше остальных букв или одинаковая с ними) и в ее форме (окружность или овал).

Для раннего времени, то есть для VI в. до н. э., характерны два варианта. Первый вариант — в виде круга, приближающегося к правильной форме, с вписанным в него крестом. Линии пересечения креста образуют прямые углы. Примером может служить надпись на светильнике из собрания Эрмитажа⁴, относящемся и по своей форме к VI в.

---

¹ От глагола γίγνομαι здесь употреблен корень с нулевым вокализмом. Значение производного от него γνήτος см. у Malter Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1892, стр. 59. под словом γίγνομαι.

² В Херсонесе встречается лишь близкое по смыслу имя Θεογένης. IosPE, 1², 359, 361, 453, 493, 583. W. Pape, Griechische Eigennamen, Braunschweig, 1863—1870, засвидетельствовал имя Θεογένης „божественного происхождения“.

³ Ранняя форма буквы теты в виде круга с крестом засвидетельствована В. Латышевым по письменным источникам — IosPE, 11, 469. Для теты круглой формы с точкой в центре см. IosPE. 1², 20—25, 27, 30, 160, 172, 180, 240—244, 249, 352, 401—403, IosPE, II, 6, 9, 11—13, 15—16, 19, 20, 59, 68 и др. Для теты в виде круга с чертой см. IosPE 1², 38—44, 80—86, 89—96, 100—102, 105—107, 191—193, 252, 357—359, 368—371, 380, 382. IosPE, II, 14, 26, 30, 31, 41, 44, 46, 48, 62, 84, 94, 134 и др.

⁴ Эрм. Бер. 368. Надпись идет по всей окружности светильника. О. Вальдгауер, Античные глиняные светильники, Спб., 1914, № 536, Воспроизведение на табл. 1, № 7, и на табл. В, № 536.

до н. э. Светильник был найден на о-ве Березань и издан Э. Р. Штерном¹.

Такую же форму теты встречаем мы и в надписи на фрагментированной чаше с изображением лани и двух пантер², найденной в 1870 г. А. Е. Люценко при раскопках в г. Керчи пепелища на горе Митридат³.

Характер рисунка позволяет датировать чашу сороковыми годами VI в. до н. э. Начертание букв соответствует этому же времени⁴.

Формы букв в надписях на предметах, найденных в городах Северного Причерноморья, не являются своеобразными: они находят себе полную аналогию в надписях на вазах, происходящих и из других центров античного мира. В частности, они близко напоминают надписи на сосудах из раскопок афинского акрополя, изображение теты в которых дает полную аналогию форме южнорусской теты с крестом⁵.

Второй вариант этой буквы, существовавший одновременно с первым в VI в. до н. э., мы видим в надписи на дне клазоменской амфоры⁶, где тета изображена в виде круга почти правильной формы, с точкой в центре— $\Lambda\theta$ ($\acute{\eta}\eta$)—Афине⁷.

В просмотренных нами граффити, относящихся к более позднему времени, а именно, к V—IV вв. до н. э., тета всегда изображается в виде круга с точкой, причем круг бывает обычно либо правильной формы, либо несколько

---

¹ Э. Р. Штерн. ЗООИД, т. XXVIII, стр. 88. Штерн отмечает, что форма $\lambda\theta\chi\omega\sigma$ вместо $\lambda\theta\chi\omega\varsigma$ необычна. Надпись несомненно стихотворная, на что указывает форма флексии—дат. пад. мн. числа— $\omega\iota\delta\iota$ вместо употребляющегося в прозе окончания— $\omega\iota\varsigma$. Ямбический триметр дает здесь лишнюю стопу.

² Эрм. П, 1870, 96.

³ См. И. И. Толстой, ук. соч., стр. III, № 185.

⁴ См. аналогичную форму теты в посвятительной надписи Главка, сделанной на дне чернолакового сосуда. Надпись первоначально была издана Н. Мурзакевичем в ЗООИД, II, Одесса, 1850, стр. 414, затем Э. Р. Штерном, ЗООИД, XX, Одесса, 1897, стр. 169, рис. 1 а, наконец, в новой интерпретации переиздана академиком И. И. Толстым. К толкованию одного граффито с о-ва Левки, ЖМНП, 1902, вып. 12, стр. 591—592.

⁵ См. Botho Graef, Die antiken Vasen von der Akropolis zu Athen, вып. III, Berlin, 1914, табл. 83—84, № 1628 а, б, с; № 1629 и вып. IV, 1925, табл. 94, № 2134 а. Оба сосуда могут быть датированы последней четвертью VI в. до н. э.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритак и Мирмекия, ВДИ, 1947, № 3, стр. 191, табл. 1 а. О граффито, сделанном на дне этой вазы, не упоминается.

⁷ Аналогичное написание этой буквы см., например, в посвятительной надписи на обломке чернофигурной чаши, найденной на афинском акрополе: Botho Graef, ук. соч., вып. III, табл. 82 № 1633 в. Датировается последней четвертью VI в. до н. э.

вытянутый в ширину, как, например, в надписи на стенке чернолакового килика, найденного в Нимфее в 1876 г.¹

По форме букв килик датируется V в. до н. э. Этой дате не противоречат и стилистические особенности самой вазы. Аналогичную форму теты мы находим в надписи на чернолаковом килике, изданном Б. В. Фармаковским².

K IV в. до н. э. несомненно принадлежит обломок чернолакового большого сосуда, найденный в Нимфее в 1941 г.³ На нем сохранилось читающееся почти полностью слово „посвятил“⁴.

Граффити III в. до н. э. с буквой тетой нам почти неизвестны. Тета с поперечной хастой встречается в надписи на ольвийском чернолаковом канфаре, изданном Э. Р. Штерном⁵. На тулове с внешней стороны стенки сосуда читается мужское имя в родительном падеже—Пифа. Эту надпись Э. Р. Штерн оставляет без датировки, но, с нашей точки зрения, по начертанию букв ее можно отнести не ранее чем к III в. до н. э. В данной надписи тета начертана в виде вытянутого в высоту круга с поперечной хастой посередине, т. е. так же, как и на херсонесском граффито. Известна и еще одна надпись, дающая аналогичную форму теты: граффито, сделанное по верхнему краю краснолакового блюда, изданного Шкорпиллом⁶. Следовательно, эта форма существовала и в граффити римского времени.

И техника выполнения тарелки, и начертания букв позволяют отнести ее к эллинистическому времени. Вероятно, автор граффито взял за образец шрифт лапидарных надписей, для которых характерно написание букв, иногда даже и закругление хаст.

---

¹ ОАК, 1876, стр. XXI. Эрм. Г/КН 74 IEMI вместо EIMI ошибочно, по невниманию писавшего. Издана: ОАК, 1877, стр. 274 и сл.; F. Bechtel, *Ionische Inschriften*, № 125; И. И. Толстой, ук. соч., стр. 73, № 108. Возможно и другое чтение этой надписи, если рассматривать первое слово как имя собственное—я килик Ефимни. См. W. Rare, ук. соч., стр. 408.

² Б. В. Фармаковский. Ольвийские древности из коллекции Н. Ф. Романченко в С.-Петербурге, ИАК, вып. 42. Спб., 1911, стр. 134 и сл.; И. И. Толстой, ук. соч., стр. 17, № 14. И. И. Толстой датирует килик V в. до н. э. в противоположность Б. В. Фармаковскому и В. В. Латышеву, которые отнесли килик и надпись к первой половине IV в. до н. э. Резной орнамент, сочетающийся со штампованным, аналогичный орнаменту на эрмитажном килике, датируется около 430 г. до н. э. См. A. D. Uge, *Red-Figure Cups with incised and Stamped Decoration*, *Journal of Hellenic Studies*. T. LVI, London, 1936, стр. 213, фиг. 1, текст стр. 211, № 24.

³ Эрм. Н. Ф. 41, 780.

⁴ И. И. Толстой, ук. соч., стр. 80, № 124.

⁵ Э. Р. Штерн, ЗООИД, XX, Одесса, 1897, стр. 181, рис. 46.

⁶ В. В. Шкорпил. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридат в г. Керчи в ноябре—декабре 1901 г. ИАК, вып. 3, Спб., 1902, стр. 163.

На эпиграфических памятниках Херсонеса, относящихся к III в. до н. э., как, например, в надписях — проксении Тимагора Родосского¹ и в почетном декрете в честь историка Сирика² мы находим подобное написание букв Γ и Τ с характерной приземистостью, как и в надписи на фрагменте чернолаковой тарелки. Одинаково также начертание букв Ν и Υ. Аналогичные формы букв встречаются и в клеймах на херсонесских амфорных ручках³. Низкие широкие буквы характерны вообще для херсонесских надписей эллинистического времени. Таким образом, надпись на фрагменте тарелки свидетельствует и о местном характере письма⁴.

Э. И. СОЛОМОНИК

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. НОВАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ

В 1940 г. при раскопках Г. Д. Белова в северном районе Херсонеса найдена мраморная плита, обломанная со всех сторон, кроме нижней. В описи находок указано, что она находилась в помещении 15, 2—3 слое (т. е. в слое римского или средневекового времени)⁵.

Размеры плиты следующие: высота 28 см, ширина 28 см, толщина 6 см.

На хорошо сглаженной и отполированной поверхности

¹ IosPE, 1², № 340.

² Там же, № 344.

³ И. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами эстиномов, ИТУАК. Симферополь, 1912, стр. 169, № 49.

⁴ Следует отметить, что подобная форма букв теты встречается и в более ранние эписхи. А. Кирхгоф (Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets, Gutersloh, 1887, стр. 50—53) и В. Ларфельд (Griechische Epigraphik, Schrifttafel zur Entwicklungsgeschichte der griechischen Lokalphabeten, III, München, 1914) указывают на надписи из Памфилии. А. Кирхгоф говорит, что установить с полной точностью время их нельзя, но что они во всяком случае не древнее VII в. до н. э. В. Ларфельд склонен датировать эти надписи VI в. до н. э. Кроме этой надписи, буква тета такой же формы засвидетельствована В. Ларфельдом и для V в. до н. э. как в надписях из Беотии, так и в надписях на халкидских вазах. Мною просмотрено полное издание халкидских ваз: Andreas Rumpf, Chalkidische Vasen, Berlin u. Leipzig, 1927, аналогий к такой форме буквы теты я не нашел.

⁵ Архив ГХМ, дело № 426, № 2137. После раскопок фото плиты было передано акад. С. А. Жебелеву (Архив АН СССР, ф. 729, оп. 1, № 71, л. 82), но вскоре началась война, и, по сообщению Г. Д. Белова, он не успел сделать каких-либо заключений об этой надписи.

сохранились остатки четырех строк надписи. Высота букв 4,5 см. Вырезаны они глубоко, красиво и четко.

Прекрасное выполнение надписи, необычные размеры и глубина букв говорят о незаурядном значении этого памятника и о том, что его приходилось рассматривать на большом расстоянии.

В начале первой строки, верхняя часть которой сбита, видна вертикальная черта. Она может обозначать только I, так как к ней тесно примыкает начало другой, предшествующей буквы. После Σ следует вертикальная черта, распо-

Рис. 1. Фрагмент мраморной плиты с греческой надписью.
Херсонес 1940 г.

ложенная на большом расстоянии от соседних букв и потому легко восстанавливаемая как Т. Далее идет Н с незамкнутой средней хвостой и остаток еще одной буквы.

В начале второй строки несомненны остатки буквы Ε, в конце строки Σ. В четвертой строке имеется закругление от Ρ.

Таким образом, в каждой строке сохранилось по 4—5 букв, которые не дают ни одного целого слова, затрудняя восстановление всей надписи.

Мы полагаем, что ее общий смысл определяется сочетанием слов τε[ῖχος и χατ[εραία [ε или ἐπ]εραία [ε, восста-

навливаемых в первых двух строках („построил стену“ или „восстановил стену“).

На основе аналогий можно предложить два варианта дополнения текста.

τὸ τε]ἰχος τῆ[πόλει
κατ]εσκεύασ[εν ἐκ τῶ-
ν ἰδίων Πέ[λαγος *e. g.*
Στ]ρατοφ[ῶντος].

Перевод: . . . . построил стену для города на собственные (средства) Пе . . . ., (сын) Стратофонта.

[ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος
τὸ τε]ἰχος τῆ[πόλει
κατ]εσκεύασ[εν ἐπὶ ἀρ-
χόντων τ]ῶν πε[ρὶ τὸν δεῖ-
να Στ]ρατοφ[ῶντος].

Перевод: Такой-то построил стену для города при архонтах во главе с таким-то, (сыном) Стратофонта.

Выражение: ἐκ τῶν ἰδίων в первом варианте дополнено по аналогии с херсонесской надписью такого же содержания¹.

Для третьей строки можно назвать большое количество собственных имен на Πε... Мы для примера взяли имя Πέλαγος, потому что оно встречается в Херсонесе².

Второе имя в четвертой строке, от которого сохранилась средняя часть, дает следующие варианты дополнения: Στράτοφάνης (или 'Арато-, 'Ерато-, Πρατο-), Στράτοφῶν (или Πρατο-), Στράτοφύλαξ³.

Выражение: Ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δεῖνα (во втором варианте восстановления текста) не встречалось в херсонесских надписях и предложено нами на основе общеисторических данных и аналогий из Ольвии⁴.

Известно, что в первые века нашей эры происходила аристократизация государственного строя Херсонеса. Среди должностных лиц особое значение приобрел первый архонт (πρῶτος ἄρχων), который избирался из представителей знати;

¹ IosPE, 1², 438. Ср. IosPE, 1² 181, 182, 184, 185 (Ольвия); II, 430, 432, 433, 435 (Танаис); IG, VII, 225 (Мегары). Ср. также выражение: ἐκ τῶν δημοσίων (из общественных средств) в IosPE, 1², 174 и 177 (Ольвия).

² IosPE, 1², 488.

³ См. словарь Pape-Benseler'a и В. Hansen, Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Berlin, 1957, s. v.

⁴ Ср. строительную надпись из Ольвии римского времени, IosPE, 1², 174, строки 9—10.

он возглавлял коллегии архонтов, заменившую коллегии стратегов, и объединял в своих руках функции стратега и царя¹. Упоминание первого архонта в надписи о постройке городских стен кажется нам поэтому вполне вероятным.

По характеру шрифта памятник может быть с уверенностью отнесен к римскому времени. Незамкнутые формы Ф и Н, О в высоту строки и редкий вариант Ω датируют его, скорее всего, II в. н. э.²

Таким образом, перед нами новая строительная надпись, свидетельствующая о сооружении какой-то оборонительной стены Херсонеса в первые века н. э.

Плита была укреплена в стене и, возможно, имела специальное обрамление. Об этом свидетельствует более светлая ровная полоска на сохранившемся нижнем крае камня.

Хотя глагол во второй строке полностью не читается и перед Ε могли быть различные приставки (ἐπι-, ἀν-, κατα-) ³, меняющие оттенки значения слова, мы предпочли форму κατασκευάσε, говорящую скорее о постройке стены, чем о незначительных ремонтно-восстановительных работах. Такое решение подсказывает общий вид памятника. При обычной починке стены вряд ли на ней укрепили бы мраморную плиту с такой прекрасно выполненной надписью⁴.

Верхняя часть текста отсутствует. Возможно, как и на других строительных надписях первых веков н. э., там упоминалось, что стена сооружена во имя таких-то богов, за благополучие своей родины⁵.

До сих пор были известны лишь две строительные надписи о крепостных сооружениях Херсонеса первых веков н. э.: одна о постройке стены во II в. н. э., другая—башни в 245 г. н. э.⁶

Крепостные стены и башни Херсонеса сохранились лучше, чем во многих других античных городах, но их датировка вследствие многочисленных перестроек сильно затруднена. Проводимые сейчас музеем реставрационные работы соче-

¹ В. В. Латышев. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического, ЖМНП, июнь, 1884, стр. 61 и сл.; А. И. Тюменев. В. В. Латышев и история Херсонеса, СА, XXVIII, 1958, стр. 19 и сл.

² Форму омеги см. на надписях Тире, IosPE, 1², 4, 7, 13.

³ Ср. IosPE, 1², 175, 185, 355₂₃, 439; ЗООИД, т. XXXIII, стр. 59 и сл. (=ВДИ, 1959, № 4, стр. 128).

⁴ Ср. выражение: [κα]τασκευάθη [η τὰ τείχε]α τῆ πόλει в надписи из Мерап, IG, VII, 17; κατασκευάσε, G. Mihailov, Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, т. II, София, 1958, № 604, 615, 639 (Никополь на Истре).

⁵ F. G. Maier, Griechische Mauerbauinschriften, I, Heidelberg, 1959 стр. 274.

⁶ IosPE, 1², 438 и 439. Ср. IosPE, 1², 355₂₃, где при перечислении заслуг чествуемого лица указано и восстановление стен (τείχων ἐπισκευάν). Ср. также IosPE, 1², 449 и 450 о постройке стен в конце IV в. н. э.

таются с археологическим исследованием стен, которое поможет уточнить строительные приемы и вопросы хронологии.

Строительство первых оборонительных сооружений Херсонеса, вероятно, началось еще в конце V в. до н. э. и было в основном завершено к III в. до н. э. Из декрета в честь Агасикла¹ (III в. до н. э.) известно, что он принимал участие в этих работах и предложил декрет о размещении в городе военного гарнизона.

В III—II вв. до н. э. Херсонес переживал многократные нападения соседних племен, а в конце II в. до н. э. вел открытую войну со скифским государством. Некоторый упадок экономической и политической жизни города в последующий период сменился в первые века н. э. новым подъемом. Возобновились торговые связи с Южным Причерноморьем, оживилось строительство внутри города. Вместе с тем вновь возобновились военные нападения на город со стороны скифского государства.

В этот период, вероятно, происходило восстановление пострадавших от войн стен и башен города, а также велось новое крепостное строительство для усиления всей системы обороны. Старые стены часто разбирали до фундамента и на их месте возводили новые. Применялось также утолщение стен и башен путем наращивания дополнительных поясов.

Публикуемая надпись позволяет с еще большей уверенностью говорить о новом крепостном строительстве Херсонеса в первые века н. э.

Для античных государств была характерна система литургий, когда отдельные лица или группы лиц брали на себя организацию и расходы по оснащению кораблей (триерархия), устройству театральных представлений (хорегия), гимнастических и музыкальных состязаний и др. Система литургий вытекала из двойственной формы собственности античного полиса и „являлась конкретной формой выделения части прибавочного продукта гражданами-богачами гражданам-беднякам“².

Литургии и *ἐπιμέλειαι*, т. е. исполнение отдельных поручений государства, существовали и в Херсонесе, в частности при организации посольств и постройке стен³. Аналогичный пример можно видеть и в новой строительной надписи, если принять первый вариант восстановления текста⁴.

¹ IosPE, I², 418. См. F. G. Maier, ук. соч., стр. 276.

² К. М. Колобова и Л. М. Глускина. Очерки истории древней Греции, Л., 1958, стр. 77.

³ В. В. Латышев, ук. соч., ЖМНП, 1884, стр. 75; R. E., т. VI₁₁, 1907, стб. 162 и 170; A. Andreades, Geschichte der griechischen Staatswirtschaft, т. I, München, 1931, стр. 138 и сл.

⁴ Во втором варианте текста слова: ἐκ τῶν ἰδίωι могли находиться в верхней, несохранившейся части надписи.

2. ПОСВЯЩЕНИЕ ДЕМЕТРЕ

Фрагмент плиты из проконнесского мрамора, случайно найденный в 1915 г. в районе Уваровской базилики. Хранится в Херсонесском музее. Опубликован в *IosPE*. 1², 715 в разделе *Addenda*. В. В. Латышев не видел самого памятника и имел о нем неточные сведения. Он указывает, что камень оббит со всех сторон и потому на нем сохранились только две строки надписи. Включив его в раздел надгробий, он, однако, воздерживается от какого-либо восстановления текста.

В действительности это обломок постамента, сильно поврежденный с боковых сторон. Верхний же и нижний края, а следовательно, и его полная высота сохранились (23 см). На верхней плоскости имеется след от ноги статуи. Ширина фрагмента около 20 см, толщина 31 см.

На хорошо обработанной боковой стороне сохранились остатки двухстрочной надписи. Буквы вырезаны ровно и

Рис. 2. Постамент от статуи с посвятельной надписью.
Херсонес. 1915 г.

четко, хотя без линеек. Естественными линиями служили голубые прожилки мрамора, пересекающие камень широкими поперечными полосами.

Высота букв 2 см, расстояние между строками 3,7 см. В начале первой строки видны остатки буквы Γ, в конце—Ι; в конце 2-й строки после Λ имеется небольшая поперечная черточка от Γ.

Формы Μ, Ν, Υ и небольшие апексы на концах букв датируют надпись III в. до н. э.¹

Уже по общему виду памятника его нельзя отнести к надгробным². Сохранившаяся же часть надписи позволяет по ряду аналогий восстановить весь текст как посвятельный.

Ἐθεῖνα ὑπὲρ τᾶς] γυναι[κός . . . .

θυγατρός Ἀπολλ[λῶ]ς Δάμα[τρι].

Перевод: Такой-то за жену (имя), дочь Аполлы (?) — Деметре.

По такой формуле составлено посвящение Афине Спасительнице, также помещенное на боковой стороне поста-мента от статуи³. В конце текста иногда добавляли слово ἀνέθεκεν (посвятил)⁴.

Буква Α перед именем Деметры хорошо подходит для окончания родительного падежа мужского имени типа Ἀπολλᾶς, Δαμιάδας, Καλλιᾶδας, Ἠρώιδας, Πισιάδας и др.

В херсонесских надписях эллинистического времени еще строго соблюдаются формы дорийского диалекта. В новом фрагменте это отчетливо выступает в слове Δαμάτρη (вместо Δημήτηρ) и указанном выше родительном падеже м. р. на -α.

Культ Деметры, широко распространенный во всем античном мире, хорошо засвидетельствован и в городах Северного Причерноморья. Деметра была одной из наиболее почитаемых богинь в Мегарах и ее колониях — Калхедоне, Гераклее, Каллатии и др.⁵ Однако в эпиграфике Херсоне-

¹ Ср. IosPE, 1², 481, 495, 708 и др.

² Ср. А. G. Woodhead, The study of greek inscriptions, Cambridge, 1959, стр. 68, где подчеркнуто, что при восстановлении текста необходимо всегда учитывать, что камни с надписями являются архитектурными памятниками, и вслед за Меритом введен даже термин „архитектурная эпиграфика“.

³ IosPE, 1², 406. G. Klaffenbach (Griechische Epigraphik, Gotttingen, 1957, стр. 60) считает, что формулу первой строки вернее понимать: „во имя или в честь такого-то“.

⁴ Ср. IosPE, 1², 415 и 416.

⁵ К. Hanel, Megarische Studien, Lund, 1934, стр. 174 и сл., 180 и сл.

са она упоминается впервые, придавая новой надписи особенно большое значение.

Роль земледелия в античном Херсонесе была весьма велика. Об этом убедительно говорят письменные источники и раскопки сельскохозяйственной хоры на Гераклеяском полуострове¹.

Основная масса клеров возникла в III в. до н. э. К этому же времени относится почетный декрет в честь Агасикла², размежевавшего виноградники на равнине, и знаменитая херсонесская присяга, в которой отражено стремление урегулировать хлебные поставки и торговлю³.

В присяге в качестве главных богов, которыми клянутся граждане Херсонеса, названы Зевс, Гея (Земля) и Гелиос, в значительной мере связанные с земледелием. К земледельческому кругу относится и культ Диониса — покровителя вина и виноделия, игравший в Херсонесе наряду с культами Девы и Геракла особенно большую роль⁴.

К этому времени как нельзя лучше подходит мраморный постамент со статуей и посвящением главной богине земледелия и плодородия Деметре, который, возможно, был установлен на центральной площади города.

О культе Деметры в Херсонесе свидетельствуют также находки терракотовых протом⁵ и graffiti. На дне чернолаковой тарелки эллинистического времени имеется монограмма, которую И. И. Толстой предположительно расшифровывает как Δά(ματρι)⁶. Аналогичные надписи были и на сосудах, найденных в Херсонесе в 1936 году⁷.

---

¹ С. Ф. Стржеleckий. Клер Херсонеса Таврического, ВДИ, № 3, 1951; его же, Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э., СА, № 3, 1957.

² IosPE, 1², 418.

³ IosPE, 1², 401, строки 47—50. См. также IosPE, 1², 403 о продаже участков земли (III—II вв. до н. э.).

⁴ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, V, ВДИ, № 4, 1950, стр. 12, прим. 4; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 76.

⁵ Протома Деметры была найдена в 1954 г. на Гераклее при раскопках усадьбы клера № 25, инв. № 28/36392.

⁶ И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.-Л., 1953, № 85.

⁷ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., Симф., 1938, стр. 206; Архив ГХМ, д. № 335, № 776, 1215, 3225, 3993. См. также К. Напелл, ук. соч., стр. 181, об изображении колоса на херсонесской монете и распространении в Херсонесе греческого имени Деметрий.

ЧЕРЕПИЦА С КЛЕЙМАМИ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ;

Раскопки на территории Херсонесской цитадели выявили ряд различных памятников, связанных с историей города первых веков нашей эры. В этом отношении особенно интересны улицы и жилые сооружения, при полевых исследованиях которых была найдена кровельная плоская черепица (керамиды) с клеймами римских легионов.

Одиннадцать клейм легионов были обнаружены при раскопках участка цитадели у 18 куртины в 1958 и 1959 гг. Черепица с клеймами легионов из Херсонеса мало известна, поскольку она не описана и не издавалась, если не считать указания на находки черепицы с клеймом XI Клавдиева легиона в отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича и К. Э. Гриневича¹ и упоминания о них в ряде работ, посвященных истории Причерноморья в первые века нашей эры².

Черепичные клейма со штемпелями римских легионов из Херсонеса не слишком разнообразны, они представлены всего пятью типами. Это несколько больше, чем в коллекции из Харакса (три типа) или из Тиры (два типа)³.

Почти все черепицы, найденные в 1958 и 1959 гг., фрагментированы. Черепицы обнаружены в засыпи улиц и зданий, одна черепица была найдена в кладке лежа водостока. Клейма на всех черепицах нанесены на верхнюю поверхность, расположены произвольно.

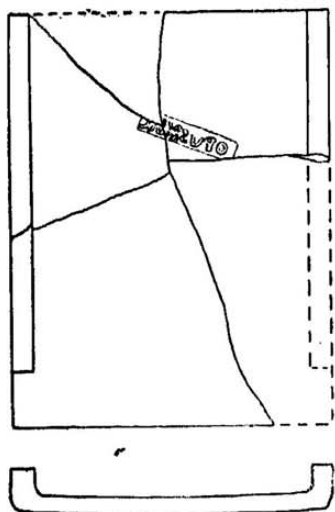
Первый тип клейм принадлежит XI Клавдиеву легиону. Фрагменты от пяти черепиц с этим клеймом найдены в помещении и на улице в слое III—IV вв. н. э. Глина черепиц не одинакова по своему составу. Три экземпляра сделаны из ярко-красной глины с коричневыми и редкими белыми

¹ ИАК, вып. 16, стр. 54; К. Э. Гриневич. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. „Крым“, № 1(9), 1929, стр. 23.

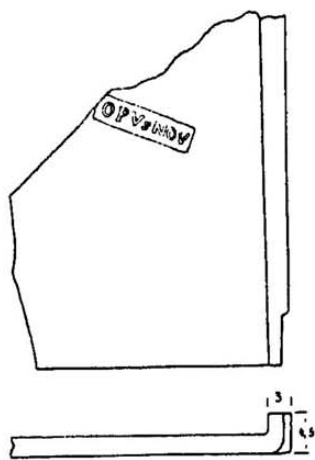
² Напр. Т. Д. Златковская. Мёзия в I—II веках до н. э. 1951, стр. 123.

³ М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. ЖМНП, 1900, стр. 155 и сл.; В. Д. Блаватский. Харакс, МИА, 19, стр. 254; Е. В. Максимов. Новый памятник первых веков нашей эры. КСИА, 5, стр. 81. P. Niculescu. Scavie scoperte a Tyras. Ephemeris Dacoromana, II, 1924, стр. 412—414. В работе приводятся два типа клейм из Тиры. Первый тип, принадлежащий V Македонскому легиону, представлен двумя вариантами. Однако первый вариант (№ 66, стр. 412—413, рис. 73), данный в реконструкции автора, мало оправдан. Что касается второго типа клейм, то из-за плохой сохранности третьей строки дополнение сделано неверно (№ 68, стр. 413—414, рис. 75). Любезно присланные П. К. Авербух из Белгород-Днестровского музея эстампажи этого клейма дают возможность рассмотреть в начале третьей строки аббревиатуру из трех букв AVX, что скорее всего можно прочесть, как aux(illia).

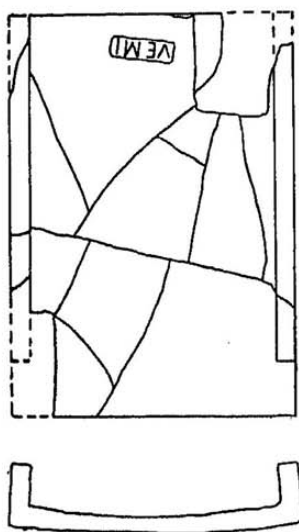
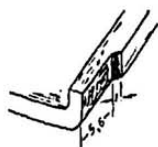

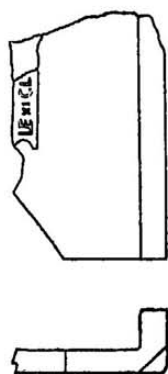
a

б

в

г

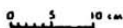
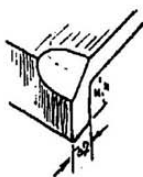

Рис. 1. Черепица с клеймами римских легионов.

включениями. Поверхность черепиц покрыта светлым ангобом. Клеймо и шрифт печатки четкие¹. Две другие черепицы сделаны из более отмученной глины, тоном светлее, с такими же по цвету, но несколько мельче, включениями. Поверхность этих черепиц не ангобирована. Клеймо менее четкое, форма букв расплывчатая².

Рис. 2. Клеймо XI Клавдиева легиона.

Толщина черепиц 2,2—2,5 см. Одна черепица имеет ширину 34,5 см. Часть керамики из раскопок 1903 г. с этим клеймом имеет вдоль сохранившейся длинной стороны бортик высотой 4,4 см³, шириной 3,2 см (рис. 1 г). Верхняя поверхность всех пяти черепиц заглажена, нижняя у двух черепиц заглажена, у трех оставлена шероховатой. Форма клейма представляет собой прямоугольник с треугольным выступом по правой узкой стороне и полукруглым по левой. Длина клейма 9,5 см, ширина 3 см (рис. 2). Все клеймо LEXICLA читается следующим образом: Le(gio) XI Cl(audia)⁴. Высота включенных в легенду знаков неодинаковая: буквы— 2 см, цифра 1,5 см. Черепицы с этим клеймом и раньше находили при раскопках цитадели⁵.

Второй тип клейм с легендой OPVs NOV встречается довольно редко. Найден один экземпляр в здании в слое III—IV вв. н. э. Это очень большой фрагмент (40×34 см, толщиной 2,2 см). Вдоль сохранившейся длинной стороны имеется бортик высотой 2,3 см, шириной 3,0 см⁶ (рис. 1 б). Глина черепицы красная с включениями белых и темных частиц. Вся черепица покрыта светлым ангобом. Верхняя поверхность заглажена, нижняя оставлена шероховатой. Клеймо имеет плоскую, прямоугольную форму длиной 12 см, ши-

¹ Инв. № 59, 173, 174/36480.

² Инв. № 34, 35/36480.

³ Инв. № 31564/2.

⁴ ЖМНП, 1900, стр. 156.

⁵ К. Э. Гриневич. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. „Крым“ № 1(9), 1929, стр. 23.

⁶ Инв. № 36/36480.

риной 3,0 см. Высота букв, включенных в легенду, равна 2 см, буква S — 1,5 см (рис. 3). Один экземпляр такого клейма был найден К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1905 г. при раскопках в цитадели¹. Это клеймо расшифровывается Б. Н. Граковым как *opus nov(um)*².

Рис. 3. Клеймо *OPVsNOV*.

Третий тип клейм, в легенду которого включено слово *opus*, имеет негативное изображение³. Оно оттиснуто на черепице, которая полностью реконструируется из трех фрагментов. Форма черепицы — вытянутый прямоугольник длиной 48 см, шириной 38 см, толщиной 2,2 см. Вдоль обеих длинных сторон имеются бортики высотой 2,5 см, шириной 2,3 см. На расстоянии 6 см от узкой стороны черепицы бортик стесан до толщины черепицы. С нижней стороны под бортиком по всей длине черепицы под углом 45° идет срез (рис. 1 а). Глина красная с темными включениями. Черепица ангобирована. Верхняя поверхность хорошо заглажена, нижняя — шероховатая. Клеймо имеет плоскую прямоугольную форму, длиной 12 см, шириной 2,5 см. Четко оттиснуты начальные буквы клейма, дающие возможность прочесть слово *opus* и начальную букву другого слова, букву Р. Остальные буквы, включенные в легенду, не читаются (рис. 4).

Четвертый тип клейм с легендой *VEMI* обнаружен в двух экземплярах. Одно клеймо оттиснуто на черепице, вмонтированной в кладку ложа водостока. Подстилающий слой водостока содержит материал, в том числе и нумизматический, IV и даже V вв. Черепица с этим клеймом сохранилась полностью. Форма ее прямоугольная, длиной 46,5 см, шириной

¹ Архив ГХМ, д. 15. В печатный отчет это клеймо не попало и поэтому для многих осталось неизвестным.

² *IosPE*, III. (Корпус клейм Северного Причерноморья, составленный Е. М. Придилом, дополненный и подготовленный к печати Б. Н. Граковым). Рукопись. Кабинет кафедры археологии МГУ.

³ Инв. № 24/36480.

34,5 см, толщиной 2,2 см. Вдоль длинных сторон имеются бортики высотой 4,1 см, шириной 2,0 см. Глина черепицы красная с коричневыми включениями, без ангоба. Вся поверхность заглажена (рис. 1 в). Клеймо имеет прямоугольную

Рис. 4. Негативное клеймо с OPVs.

плоскую форму длиной 7,5 см, шириной 2,5 см. Высота букв равна высоте рамки клейма (рис. 5). Другое клеймо найдено в 1958 г. при раскопках засыпи между первым и вторым утолщениями башни XVI¹. Первые две буквы клейма могут быть прочитаны как Ve(xillatio), две другие пока не расшифрованы.

Рис. 5. Клеймо VEMI.

Пятый тип клейм с легендой VEX... E... найден также в двух экземплярах на улице в слое IV в. и в позднеантичной засыпи между первым и вторым утолщением башни XVI². Глина черепицы красная с коричневыми включениями, без ангоба. Толщина ее 2,2 см. Клеймо на обоих экземплярах чрезвычайно плохой сохранности. Форма печатки плоская, прямоугольная, шириной 4,5 см, с небольшими треугольными вырезами по углам. Судя по сохранившимся фрагментам, клеймо, по всей вероятности, состоит из двух аббре-

¹ Инв. № 205/36480, № 13/36501. В Херсонесском музее имеется один небольшой обломок черепицы с подобным клеймом из случайных находок. Инв. № 25 КП.

² Инв. № 204/36480, № 18/36501.

виатур и лигатуры в конце и может быть транскрибировано, как vex(illatio) [I]e(gio)... К сожалению, рассмотреть лигатуру не представляется возможным. Один экземпляр такого клейма был найден К. Э. Гриневичем в 1929 г. у западных оборонительных стен¹.

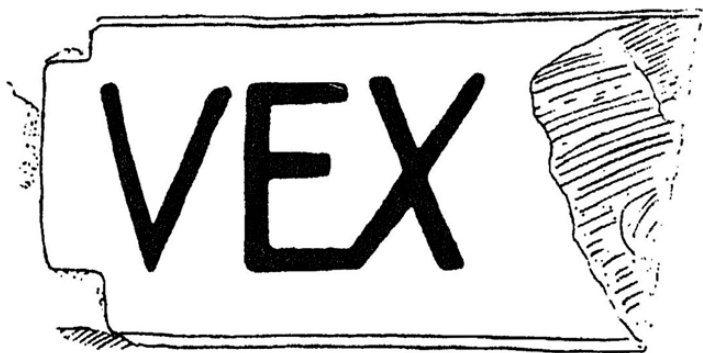

Рис. 6. Клеймо VEX.

Все перечисленные клейма римских легионов, оттиснутые на черепице, принадлежат различным отрядам Херсонесского гарнизона. Об этом свидетельствует и качество глины черепиц. Самым распространенным является клеймо XI Клавдиева легиона.

Пребывание вексилляции этого легиона в Херсонесе в конце II в. н. э. и начале III в. известно по ряду надписей². Эпиграфические памятники сообщают, что отряды XI Клавдиева легиона в городах Северного Причерноморья, кроме Херсонеса, дислоцировались в Ольвии, Тире, Хараксе³. Находки керамической эпиграфики известны почти по всем пунктам стоянок легиона. Исключение составляет только Ольвия, где клейм легионов не обнаружено. Клейма XI Клавдиева легиона, оттиснутые на кирпичках, обнаружены также в Хараксе, причем форма клейма и его размеры почти совпадают с херсонесскими черепичными клеймами⁴.

В 1954 г. Н. А. Богданова при раскопках Заветнинского городища (Алма-Кермен) обнаружила 14 экземпляров клейм

¹ Инв. № 10/35423.

² IosPE, 1², 550, 551, 552. Э. И. Соломоник. Алтарь Немесиды из Херсонеса, ВДИ, № 2, 1960.

³ IosPE, 1², 236, 322. М. И. Ростовцев. Военная оккупация Ольвии римлянами. ИАК, вып. 58; П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды, ВДИ, № 4, 1959, стр. 118. В. Д. Блаватский. Ук. соч.

⁴ ЖМНП, 1900, стр. 156.

XI Клавдиева легиона, оттиснутых на черепице. Штамп клейма и глина на черепицах аналогичны херсонесским¹.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что вексилляция XI Клавдиева легиона, стоявшая в Херсонесе длительное время, имела свою керамическую мастерскую, продукция из которой шла на удовлетворение потребностей вексилляции. В Хараксе, очевидно, была своя мастерская, изготовлявшая только кирпичи. Клейменных кирпичей в Херсонесе не найдено².

Черепица с оригинальным клеймом OPVs NOV, очевидно, могла иметь специальное назначение и, возможно, использовалась для сооружения каких-то новых построек, на что указывает легенда клейма.

Весьма редкими и до настоящего времени неизвестными являлись клейма третьего, четвертого и пятого типов.

В Херсонесе, как и в других местах, хозяйственная деятельность римских легионов сводилась к строительству дорог и зданий для военных нужд. Они же занимались изготовлением черепицы, которая шла на удовлетворение нужд гарнизона³. Во II—III вв. н. э. Херсонес являлся центром римской оккупации Крыма. Здесь стоял главный гарнизон во главе с трибуном. Местом стоянки гарнизона была цитадель, расположенная в юго-восточной части города⁴. Здесь все время шло интенсивное строительство. Поэтому находки черепицы с клеймами легионов на этой площади вполне естественны. Надо ожидать их и в дальнейшем при раскопках цитадели. Отдельные экземпляры черепицы, изготовленные в III в., могли бытовать и в более позднее время. Группа черепиц с клеймами легионов вносит некоторые дополнения к имеющимся эпиграфическим данным Херсонеса в период пребывания в городе римского гарнизона.

А. Н. ЩЕГЛОВ

СВЕТИЛЬНИКИ С КЛЕЙМОМ ХРҮСОҢ

В погребальном инвентаре могил и склепов херсонесского некрополя позднеантичного времени содержится большое количество глиняных светильников. В некоторых склепах они встречаются десятками. Эти светильники могли бы

¹ Е. В. Веймарн. Отчет о работе горного отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1954 г. Архив отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР, часть II, стр. 62, рис. 126.

² ЗООИД, т. XXVII, 1907. Протокол заседаний, стр. 25. Это сообщение подтверждается и последними раскопками.

³ СЛ, III, 8066, в. с; 14216, 24 е.

⁴ ИАК, 21, стр. 145.

служить датирующим материалом, однако до настоящего времени они остаются недостаточно изученными. Единственная существующая у нас сводная публикация светильников Северного Причерноморья и Средиземноморья О. Ф. Вальдгауера, содержащая описание коллекции Эрмитажа, вышла в свет в начале века¹. Она основана на типологической классификации светильников, а также на стилистическом анализе изображений на них и в настоящее время нуждается в некоторых поправках и дополнениях. Кроме того, описаны только те светильники, которые поступили в Эрмитаж,—с художественными изображениями на щитках и лучшего качества исполнения. Массовый материал до сих пор остается несистематизированным.

В настоящей работе рассматривается небольшая группа однотипных светильников из некрополя Херсонеса первых веков н. э., хранящихся в фондах Херсонесского музея.

Светильники найдены в могиле № 147, раскопанной на некрополе у Карантинной бухты в 1910 г.² Среди инвентаря могилы имеется керамика обычных для погребений херсонесского некрополя позднеантичного времени форм. Здесь же были найдены монеты Херсонеса второй эвевтерии и римская Филиппа Араба.

Инвентарь могилы включал в себя 10 светильников. Из них один тонкостенный выполнен из светлой глины, без покрытия. Диаметр 7,6 см, высота 2,5 см. Ручка с проколотым отверстием прилеплена к щитку. Рожок суживается, переходя на плечики. На гладких плечиках рельефные поперечные ленты. На щитке шестнадцатилепестковая розетка. Дно приплюснуто. Подобные светильники О. Ф. Вальдгауер относит к типу поздних греческих светильников (тип VI C) и датирует их III—IV вв. н. э.³

Из остальных светильников в фондах имеются 4 рубчатых светильника и 4 таких же, но с клеймами ΧΡΥΣΟΙ. На последних мы и остановим свое внимание. Ниже дается описание одного из них.

Светильник вытянутой, яйцеобразной формы. Размеры: ширина 5,3 см, длина 7,6 см, высота 2,2 см (рис. 1). Глина красновато-коричневатая; обжиг хороший. Ручка выполнена в той же форме, что и щиток, не проколота. Плечики

---

¹ О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. Спб, 1914. Из последних работ следует отметить сводки М. Бернхард (M. L. Bernhardt. Lampki starożytne, Warszawa, 1955) и Р. Хакена (R. Haken. Roman Lamps in the Prague National Museum and in other Czechoslovak collections. Praha, 1958).

² Полевой дневник Р. Х. Лепера за 1910 г. Архив ГХМ, № 72, стр. 32. Опись находок за 1910 г. Архив ГХМ, № 103, стр. 61. Светильники хранятся в фондах ГХМ.

³ О. Ф. Вальдгауер, ук. соч., стр. 61, № 483, табл. XLV.

покатые, рубчатые. Между некоторыми рубчиками помещены небольшие округлые бугорочки („пупышки“). Такие же бугорочки, по два с каждой стороны рожка, замыкают ряд рубчиков. Два бугорочка находятся в нижнем краю щитка, посередине его. Рожок вытянутый, выпуклый, не-

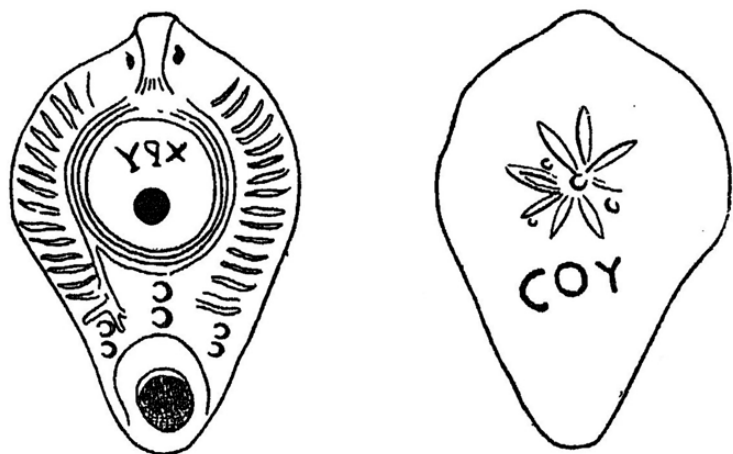

Рис. 1. Святильник из могилы № 147 Херсонесского некрополя.

сколько приподнят над щитком. Щиток, плавно переходящий в плечики, отделен от них двойным ободком, причем от внешней линии ободка отходит один конец, который спускается на плечики, пересекая слева от рожка несколько рубчиков.

В верхней части щитка находится выпуклое клеймо ΥϱΧ. Надпись ΧΡΥ была вырезана на форме слева направо, поэтому оттиск с нее получился зеркальный. Ниже надписи на щитке проколото отверстие для заливки масла. Это отверстие и отверстие для фитиля в рожке проколоты изнутри, до соединения двух половинок святильника. Об этом свидетельствуют слегка заглаженные валики („заусеницы“) глины вокруг отверстий.

Дно святильника слегка приплюснуто. Посередине его помещена выпуклая восьмилучевая „звезда“ неправильной формы. Между некоторыми лучами находятся небольшие округлые бугорочки. Их расположение несистематично.

Под „звездой“, несколько наискось, расположена вторая половина клейма: COY, читающаяся слева направо. Таким образом, все клеймо,

ΥϱΧ

COY (χρυσός — золотого),

нанесенное на двух сторонах святильника, написано по принципу „бустрофедон“.

Все четыре светильника с клеймами из могилы № 147 выполнены в одной и той же форме, из одинаковой глины, имеют одинаковую степень обжига и одинаково небрежный характер изготовления (рис. 2).

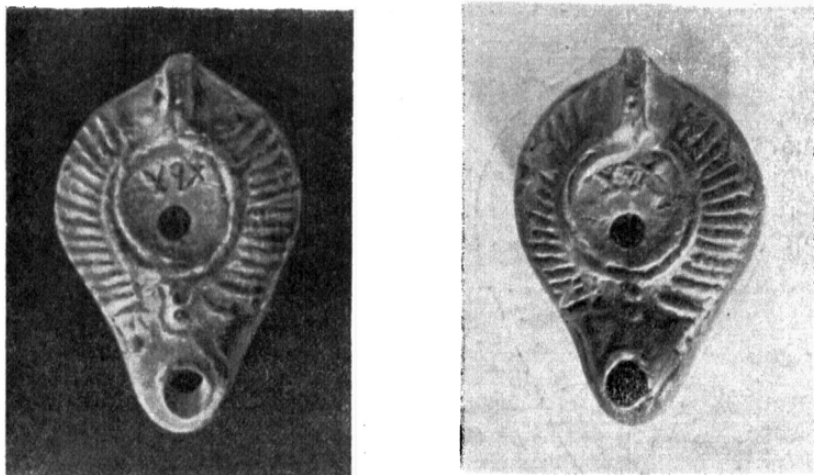

Рис. 2. Светильники из могилы № 147.

У одного из этих светильников проколота ручка; у другого на донышке отсутствует вторая половина клейма (COY). Это свидетельствует о том, что щиток и дно второго светильника выполнены в половинках разных форм.

Любопытна еще одна деталь. Помещенные на донышках светильников „звезды“ совпадают во всех подробностях. Одинаковы они и на донышках, изготовленных в разных формах. Очевидно, что эти „звезды“ не были выполнены непосредственно в форме, а наносились на уже готовое изделие из сырой глины при помощи специального штампа. Это предположение подкрепляется и неглубокой вдавленностью донышек светильников.

В другой могиле (№ 240), раскопанной Р. Х Лепером также в 1910 г.¹, найдены два таких же светильника. Однако, судя по расплывчатым формам рубчиков на плечиках и букв клейма, они изготовлены в уже довольно износившихся формах, а следовательно, несколько позднее светильников из могилы № 147. В могиле № 240 был найден аналогичный светильник, но без клейма, а также светлоглиняный светильник позднегреческого типа III—IV вв. н. э.

Принадлежность светильников с клеймом ХРΥСОУ руке одного мастера, на наш взгляд, не вызывает сомнения.

¹ Хсб, II, стр. 252.

Довольно часто в могилах херсонесского некрополя встречаются светильники только с первой половиной клейма (ХРУ), помещаемой на щитке¹, причем в подавляющем большинстве случаев, как и на наших светильниках, надпись читается справа налево (ΥϚΧ). Только в двух случаях нам известны клейма, читающиеся слева направо². Следует отметить, что находки этого типа светильников были сделаны и при раскопках херсонесского городища³; аналогичных находок вне Херсонеса нам неизвестно.

Светильники с клеймами ХРУ и ХРУСОУ встречаются вместе с светлоглиняными светильниками, датируемыми О. Ф. Вальдгауером III—IV вв. н. э.⁴, херсонесскими монетами второй элевтерии и римскими монетами, преимущественно от Диоклетиана (284—305 гг.) до Валентиниана I (364—375)⁵.

Этот тип, по-видимому, является дальнейшим развитием типа светильников с рубчиками на плечиках, но более округлой формы и с широкой, волутообразной в поперечном сечении ручкой (рис. 3), которые встречаются вместе со светильниками с рельефным изображением на щитке и сердцевидным рожком⁶. Последние О. Ф. Вальдгауер датировал III в. н. э., но теперь уже можно считать установленным их бытование и в IV в. н. э.⁷

Узор в виде „рубчиков“ и „пупышек“ на плечиках светильников с клеймом ХРУСОУ и более ранних, вероятно, является воспроизведением стилизованной лавровой или пальмовой ветви, часто встречающейся на светлоглиняных светильниках поздне-греческого типа⁸.

Последующее развитие описываемого типа светильников характеризуется дальнейшей стилизацией узора на плечиках, превратившегося в чисто орнаментальный мотив, еще большим удлинением формы и ухудшением качества изготовления (рис. 3). Последнее, вероятно, вызвано массовостью производства светильников и, может быть, общим

¹ Еще в 1897 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич отмечал, что „лампочки с этой надписью встречаются неоднократно“. ОАК, 1897, стр. 120.

² ОАК, 1892, стр. 103, рис. 61; ОАК, 1897, стр. 120.

³ Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.), МИА, № 34, 1953, стр. 188.

⁴ О. Ф. Вальдгауер, ук. соч., № 477, 485 (найжены в склепе № 368. ОАК, 1893, стр. 66. Светильник № 485 имеет на дне надпись ΕΥ), № 483 (с надписью ΑΡΧΕΠΟΛΙΔΟΣ на дне. Найден в склепе № 987. ОАК, 1897, стр. 128).

⁵ ОАК, 1893, стр. 61, мог. № 329; стр. 67, мог. № 368; ОАК, 1897, стр. 120, склеп № 903, стр. 128, склеп № 987.

⁶ Такой факт совместной находки имел, например, место в 1959 г. См. статью В. Н. Даниленко в настоящем выпуске „Сообщений“.

⁷ А. Н. Щеглов. Светильник с изображением Геракла, СГХМ, в. 1, Симферополь, 1960, стр. 22.

⁸ О. Ф. Вальдгауер, ук. соч., № 464, 483, 495.

упадком ремесел в конце античного периода. Эти яйцеобразные светильники с „рубчиками“ и „пупышками“ очень часто встречаются в могилах херсонесского некрополя и являются наиболее поздним типом античных глиняных светильников. Они датируются монетами от Констанция II до Аркадия и Гонория¹, т. е. от середины IV в. до первой четверти V в. н. э.

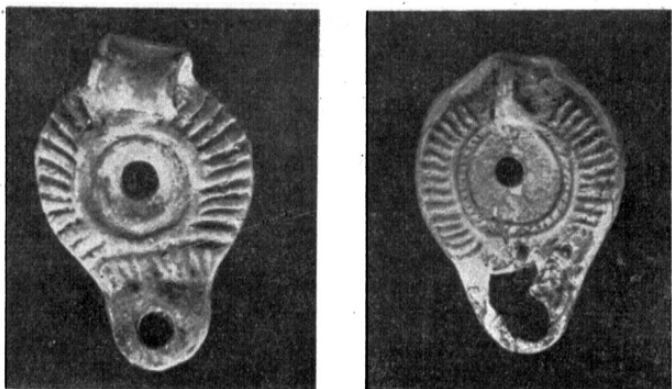

Рис 3. Рубчатые светильники из Херсонесского некрополя.

На основании изложенного можно считать, что дата публикуемых светильников укладывается в рамки IV в. н. э. Не противоречат этому и палеографические особенности клейма. Учитывая, что наши светильники встречаются в подавляющем большинстве случаев с наиболее поздним вариантом светильников греческого типа и что императорские монеты имели в Херсонесе длительное обращение, дату бытования этих светильников, нам кажется, можно сузить до середины — второй половины IV в. н. э.

Клеймо ХРΥСОУ, вероятно, обозначает имя мастера-коропласта или владельца мастерской. На это указывает родительный падеж, образованный от *Χρῶσος*² или *Χρῶσος*³. В Херсонесе имя *Χρῶσος* известно по надписи римского времени на колонне из так называемой Уваровской базилики⁴. В ономастике других городов Северного Причерноморья это имя встречено дважды на лапидарных памятниках: в надписи 485 г. боспорской эры (188 г. н. э.) из Танаиса⁵, и на

¹ ИАК, вып. 16, 1905, стр. 99; ИАК, вып. 25, 1907, стр. 73; ИАК, вып. 33, 1909, стр. 50, 52, 62, 64.

² Pape-Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884, s. v.

³ L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, § 1183.

⁴ IosPE, I², № 442.

⁵ IosPE, II, № 427.

боспорском известняковом надгробии первых веков н. э. (*Θεοφιλήτη γυνή Χρῖστου ...*)¹. Судя по перечисленным надписям, включая сюда и клеймо херсонесских светильников, можно предполагать, что имя Хрис (в форме *Χρῖστῶς*) получает распространение в Херсонесе и на Боспоре с первых веков н. э.

Публикуемые светильники дают возможность заключить, что мастер или хозяин мастерской с именем *Χρῖστῶς* — „Золотой“ — работал в Херсонесе в середине—второй половине IV в. н. э. Продукция мастерской Хриса хотя и не отличалась большой красотой и изяществом, но была массовой и, судя по многочисленным находкам в рядовых могилах херсонесского некрополя, имела хороший сбыт.

А. М. ГИЛЕВИЧ

МОГИЛА С ДВУМЯ ПОДБОЯМИ

В феврале 1958 года при прокладке кабеля на берегу Карантинной бухты рабочими было случайно обнаружено древнее погребение. Часть вещей из него поступила в Херсонесский музей², после чего сотрудники музея провели зачистку могилы и разборку выброшенного рабочими грунта.

Могила расположена на участке Херсонесского некрополя, раскапывавшегося К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1905 году³, к юго-востоку от 20-й куртины оборонительных стен, в 80 м от фланговой башни XVII (Зенона). Она находилась рядом с подбойной могилой № 1960 к юго-западу от склепа № 1957.

Открытая могила тщательно вырублена в скале и имеет два подбоя вдоль длинных сторон. Ориентирована она на северо-запад. Длина могилы — 2,26 м, глубина от современной дневной поверхности — 2,28 м, глубина от поверхности скалы — 1,40 м, ширина — 0,64 м, ширина по дну вместе с подбоями — 1,52 м. Высота подбоев одинаковая (0,55 м), углы могилы прямые, дно ровное, горизонтальное. Поверхность стен и потолков подбоев, а также стен могилы гладко отесана и почти не имеет следов инструмента.

Костяки в могиле во время строительных работ были нарушены, поэтому точно установить количество погребенных не удалось.

¹ IosPE, IV, № 244.

² Фонды Херсонесского музея, инв. № 36 465.

³ ИАК, вып. 25, стр. 96.

Ориентировочно можно предположить наличие трех ко- стяков, из которых один детский. Вероятно, гробница была семейной (муж, жена и ребенок) и захоронение, видимо, производилось постепенно.

Вещи, кроме доставленных в музей рабочими, были сильно фрагментированы и перемешаны с грунтом. Благодаря тщательному просеву земли, вынутой из могилы, и внутри могилы собраны обломки керамики и разные мелкие изделия: монета, бусы, гвозди и др.

В инвентарь могилы входили следующие предметы.

Два кувшинчика грушевидной формы, покрытые (за исключением придонной части) красным лаком очень плохого качества, характерным для позднеантичного периода. На одном из них лак имеет почти коричневый цвет.

Три тонкостенных красноглиняных кубка. Один из них покрыт темной обмазкой. По его тулову белой краской нанесен стилизованный растительный орнамент.

Найдено четыре светильника. Один из них — с сердцевидным рожком, гладкой петлеобразной ручкой и многолепестковой розеткой на щитке, окруженной двойным ободком. Плечики гладкие, дно приплюснуто. Сохранились незначительные следы коричневого покрытия. О. Ф. Вальдгауер датирует этот тип светильников III в. н. э.¹ Однако материалы Херсонесского некрополя с достаточной убедительностью подтверждают их бытование и в IV веке².

Второй светильник — высокий, круглой формы, с сильно вытянутым рожком, волутообразной в поперечном сечении ручкой и рубчиками на плечиках. Покрытие нанесено только на щиток. На дне два концентрических круга.

Третий светильник — вытянутый, яйцеобразной формы, с рубчиками на плечиках. В вылепленной вместе со щитком ручке пробито отверстие. Дно приплюснуто. Оба экземпляра относятся к наиболее позднему типу античных глиняных светильников³.

Наиболее интересным является четвертый светильник (рис. 1). Он сильно фрагментирован. Сохранилась большая часть щитка; рожок и половина дна отсутствуют. Светильник тонкостенный, с плоскими плечиками, выполнен из светлой глины. Стенки прямые, сужаются книзу. Ручка изготовлена в одной форме со щитком. Поверхность светиль-

---

¹ О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники, Спб, 1914, стр. 51, тб. XXXVIII.

² А. Н. Щеглов. Светильник с изображением Геракла. СГХМ, вып. I, 1960, стр. 22. См. также статью В. Н. Даниленко в настоящем выпуске „Сообщений“.

³ См. статью А. Н. Щеглова о светильниках в настоящем выпуске „Сообщений“.

ника заглажена. Дно плоское: Плечики украшены лавровой ветвью.

На щитке, отделенном от плечиков двойным ободком, дано барельефное изображение мужского бюста в профиль (рис. 1, а). Полное лицо обращено влево, на полуобнажен-

Рис. 1 а. Щиток светильника с портретом Максимиана Геркула.

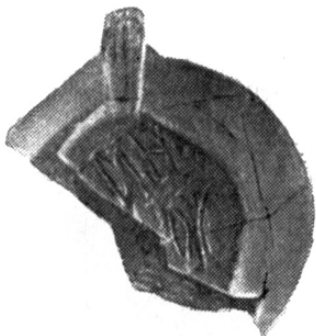

Рис. 1 б. Дно светильника с надписью.

ном плече видны складки одежды. Волосы переданы хорошо, четкими и глубокими косыми насечками. Среди их общей массы неясно выделяются слегка обозначенные ухо и лавровый венок. Листья последнего несколько возвышаются над головой, образуя своеобразный „хохол“. Курчавая борода слабо намечена вдавленными мелкими точками, имитирующими буравчик. Иконографически портрет очень близок портретам императора Максимиана Геркула на его монетах (рис. 2)¹. Здесь тот же характерный грубоватый профиль полного лица (невисокий лоб с нависающими надбровьями, короткий мясистый нос, тяжелый подбородок). Такое сходство позволяет трактовать портрет как изображение Максимиана Геркула (286—305 г.) и, следовательно, датировать светильник этим временем.

Изображения императоров встречаются на глиняных светильниках очень редко, вероятнее всего, они копируют

¹ Н. С о h e n. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain. Paris, 1880—1892, том. VI, № 79.

портреты на монетах. Известны светильники раннеиталийского типа с портретами Адриана (один из них, вероятно, найден в Северном Причерноморье)¹.

Рис. 2. Монета Максимиана Геркула. Увеличена в два раза.

Рис. 3. Свинцовая пластинка.

На сохранившейся части дна светильника имеется двухстрочная надпись, прочерченная по сырой глине ... ΜΗ/...ΟΥ (рис. 1 б). В 1897 году в склепе № 982 был найден светильник такого же типа, как описываемый, с надписью ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ, прочерченной на дне по сырой глине². Стилистическое сходство обоих светильников, одинаковая глина, техника изготовления, размещение букв в надписях и близкие размеры позволяют видеть в них изделия одной мастерской. Поэтому имя на публикуемом светильнике можно восстановить как [ΔΗ]ΜΗ[ΤΡΙ]ΟΥ. Начертания букв в обеих надписях имеют некоторые различия, хотя обе они датируются III—IV в. н. э.

Среди инвентаря могилы оказались обломки свинцовой пластинки (рис. 3). Пластинка штампованная, четырехугольной формы, с круглым медальоном в центре, окруженным двойным ободком. Поле пластинки за ободком с обеих сторон покрыто стилизованным растительным орнаментом. В верхней части медальона помещено плохо сохранившееся изображение двух птиц, по-видимому, павлинов, обращенных клювами друг к другу. Между ними неясный предмет, напоминающий дерево. В нижней части медальона, отделен-

¹ О. Ф. Вальдгауер. Ук. соч., № 216, 217, 541. Ср. изображение Адриана на монетах (Н. Cohen, ук. соч., т. II, № 1060, 1082 и др.).

² ОАК за 1897 г., стр. 125, рис. 244, 245; О. Ф. Вальдгауер (Ук. соч., стр. 59, № 465; тб. XLIV, прорис. на тб. В) датирует этот светильник III—IV вв., чему не противоречит и материал склепа.

ной выпуклой горизонтальной чертой, имеется двухстрочная надпись: ΚΥΡΕΙΑ ΔΩΡΟΝ, которую можно понимать как „Дар владычице“ [*κυρεία(ι) δωρον*]. По характеру шрифта надпись можно отнести к позднеримскому времени.

Изображение двух авлинов в геральдической позе часто встречается в росписи античных гробниц и на римских надгробных стелах¹. Термин „*κυρία*“ или „*κυρείς*“ часто употреблялся в качестве эпитета Исиды². У греков и римлян Исида считалась владычицей загробного мира; она сопровождала мертвых в подземное царство, заботилась там о них. Уже в эллинистическое время Исида отождествляется с другими женскими хтоническими богинями — Гекатой и Прозерпиной³ и в дальнейшем, в процессе синкретизма божеств, они сливаются в единое божество. Таким образом, пластинка с надписью могла быть посвящена Исиде⁴. Культ Исиды был очень популярен в римских провинциях на Дунае в I—III вв. н. э.⁵ и оттуда через римских легионеров мог проникнуть в Херсонес.

Рабочими было найдено золотое проволочное кольцо с закрученными спиралью концами. В просеянной земле обнаружены обломки бронзового перстня-ключа, бусы из цветного и позолоченного стекла, пасты и янтаря, два железных ножа с горбатыми спинками и железные четырехгранные гвозди с остатками дерева на них.

Кроме перечисленных предметов, в могиле найдена бронзовая монета Коелы (Херсонес Фракийский), чеканенная в правление императора Элагабала (218—222 гг.)⁶. Монета Коелы найдена в Херсонесе впервые.

Могилы с двумя подбоями не являются единичной в херсонесском некрополе. Несколько десятков таких могил было раскопано К. К. Косцюшко-Валюжиничем, Р. Х. Лепером и А. К. Тахтаем⁷. Зафиксированы они и в других могильниках Крыма⁸.

¹ М. Н. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, Спб., 1914, стр. 146.

² С. Я. Лурье. К вопросу о происхождении культа христианских целителей, ВДИ, 1960, № 2, стр. 98.

³ Roeder. Isis, RE, XVIII, Halband, стб. 2117.

⁴ Изображение в разных позах одного павлина, как атрибута Юноны, известны на монетах римских императриц. (Н. Cohen, ук. соч., т. I № 2; т. II, № 174, 179; т. III, № 70; т. IV, № 1, 2, 3, 24; т. V, № 14). Поэтому приведенное нами толкование пластинки нельзя считать окончательным.

⁵ С. Я. Лурье. ук. соч., стр. 96.

⁶ В. В. He ad. Historia Numorum, Oxford, 1887, стр. 224.

⁷ См. отчеты о раскопках Херсонесского некрополя в ОАК за 1895, 1897, 1901, 1902; ИАК, вып. 16, 20, 25, 33. Херсонесский сб., вып. II и IV.

⁸ В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя скифского, ИАДК, 1957, стр. 120. В. В. Борисова. Могильник у высоты „Сахарная головка“, Хсб. V, Симф., 1959, стр. 182.

Наряду с могилами с двумя подбоями встречаются могилы с одним подбоем¹. Тип подбойных могил появился в Херсонесе, по-видимому, в позднеантичное время.

Инвентарь публикуемого погребения позволяет датировать его последнее захоронение началом IV века. Определяющим является глиняный светильник с портретом Максимиана Геркула. Наиболее раннее захоронение относится, вероятно, к концу III века, так как вряд ли в небольшом семейном погребении (три человека) мог быть большой хронологический разрыв между отдельными захоронениями. Что касается монеты города Коелы начала III в., то она не может датировать ни весь комплекс в целом, ни наиболее ранние погребения могилы. Монета могла задержаться в обращении до конца III — начала IV века или, скорее всего, попасть в могилу как реликт, возможно, указывая на фракийское происхождение погребенных².

Фракийское влияние на культуру позднеантичного Херсонеса явилось результатом пребывания в Херсонесе в течение длительного времени римских легионов, в составе которых было много фракийцев³. Фракийский элемент имелся и в составе населения Херсонеса⁴.

Судя по инвентарю, обычному для большинства могил Херсонеса III—IV века, погребенные принадлежали к числу семей среднего достатка.

Хорошо датированный инвентарь могилы 1958 г. позволит в дальнейшем использовать его для датировки близких по характеру погребений и аналогичных вещей в других комплексах. Это является особенно важным, так как до настоящего времени материалы IV века еще не выделены в Херсонесе в отдельную группу.

¹ См. статью В. Н. Даниленко в настоящем выпуске „Сообщений“.

² В пользу этого предположения свидетельствуют многочисленные находки иногородних монет римского времени в некрополе Херсонеса. В большинстве случаев монета какого-либо города встречается в одной могиле либо одна, либо в сопровождении херсонесских, римских или монет этого же города (см. ОАК за 1893 г. могилы № 362, 368, 390; ОАК за 1895 г., № 576, 599, 606; ИАК, вып. 25, № 1789, 2092, 2097, 2107, 2118 и др.). В склепе, раскопанном В. В. Борисовой в 1955 г. (В. В. Борисова. Каменная с изображением сатиры и менады, СА, № 1, 1960), наряду с римскими и херсонесскими найдена монета г. Андрианополя времени Гордиана III. Ряд других вещей из этого склепа, видимо, также связан с Фракией. Монеты разных городов в одном погребении встречаются редко.

³ В. Н. Дяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Ученые записки МГПИ им. Ленина, т. XXVIII, в. I, стр. 84; Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи М., 1957, стр. 233.

⁴ Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 118.

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

За многие годы раскопок Херсонесского некрополя вскрыто около 4000 различных погребальных сооружений, из них подбойных могил более 70. Большая часть подбойных могил была ограблена еще в древности, поэтому каждая новая находка подобного рода представляет несомненный интерес.

Осенью 1959 г. у самой обочины шоссе, ведущего в Херсонес, метрах в 100 к западу от раскопок некрополя 1937 года¹, случайно была обнаружена подбойная могила. Она ориентирована с запада на восток. Прямоугольная в плане могила вырублена в твердой известняковой скале и залегает под насыпью 0,50—0,70 м. Ее размеры $2,20 \times 0,70 \times 2$ м.

Могильная яма сверху была перекрыта тремя горизонтально лежащими известняковыми плитами толщиной до 0,22 м и размерами $1 \times 0,75$; $0,87 \times 0,55$; $0,90 \times 0,90$ м. Плиты положены на заплечики могилы. Подбой вырублен в южной стене во всю ее длину. Он плотно заложен пятью вертикально поставленными плитами значительно меньших размеров, чем в горизонтальном закладе могильной ямы. Швы в обоих закладках тщательно промазаны известковым раствором с добавлением мелко толченой керамики. По составу раствор закладов одинаков, хотя отличается по цвету. Ширина подбоя 0,70 м, наибольшая высота 0,65 м, потолок скошен под углом около 30° и скруглен у задней стенки.

Неширокая ниша во всю длину могилы, по высоте почти такая же,

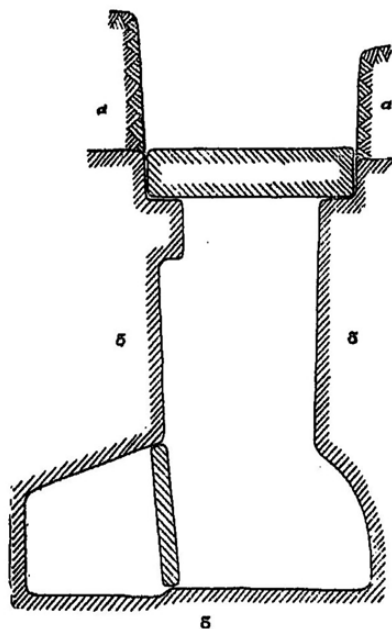

Рис. 1. Разрез могилы.

¹ А. К. Тахтай. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. Хсб., вып. IV, Симферополь, 1948, стр. 20—30.

как ниша подбоя, была вырублена в противоположной (т. е. в северной) стенке могилы. Ширина ее составляла не более 25—30 см. Видимо, она представляет собой начатый, но по каким-то причинам неоконченный подбой (рис. 1).

В восточной части могильной ямы, у самого заклада подбоя, стоял светлоглиняный сосуд типа лекифа с узким высоким горлышком и слабо рифленным туловом¹.

В подбое находились два костяка, почти полностью заплывших натечной землей (рис. 2). Сохранность костяков неодинакова: от первого костяка, лежавшего у задней стенки подбоя, который принадлежал более раннему погребению, сохранилось лишь несколько костей; второй, более позднего погребения, находился в удовлетворительном состоянии. Костяки обращены головами на запад, лежали в вытянутом положении, руки второго костяка, возможно, были скрещены, кисти находились на тазе или около него.

Какому из костяков принадлежали найденные в могиле предметы — определить трудно. К первому погребению предположительно можно отнести бронзовую монету императора Максимиана Геркула (286—305 гг. н. э.), лежавшую у южной стенки подбоя, в той части, где находились ноги костяков, и бусы, рассыпанные на полу подбоя. Всего найдено 38 бусин, из них одна синего стекла, остальные — желтые пастовые. К первому же погребению относился, по всей вероятности, и один из двух обнаруженных в могиле золотых нагубников. Нагубник имеет форму удлинненного овала, посредине прочерчена линия, от которой вверх и вниз идут косые штрихи². Вес его 1,7 г.

Ряд вещей в могиле по их расположению можно отнести ко второму костяку. У левой ноги этого костяка найдена двуручная чашечка, покрытая красным лаком низкого качества, на кольцевом поддоне. Очень близкую аналогию представляет собой двуручная чашечка с грубо нацарапанным изображением двух башен, увенчанных крестами, и человеческой фигуры, окруженной нимбом, из склепа № 669³.

В нем же обнаружены херсонесские монеты второй эвлетерии и римских императоров Грациана (375—383 гг.) и Аркадия (395—408 гг.). Краснолаковая мисочка находилась

---

¹ Такой же сосуд был найден Р. Х. Лепером при раскопках в 1910 г. в подбойной могиле № 147 вместе с херсонесскими монетами второй эвлетерии и Юлия Филиппа (244—249). Архив ГХМ, дело 72, стр. 32, дело № 103, стр. 61.

² Н. В. Пятыхшева. Ювелирные изделия Херсонеса, М., 1956 г., стр. 30, № 4, табл. V, 3; см. также статью Н. Н. Погребовой, Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя скифского, ИАДК стр. 142 и сл.

³ ОАК за 1896 г., стр. 184—185, рис. 564.

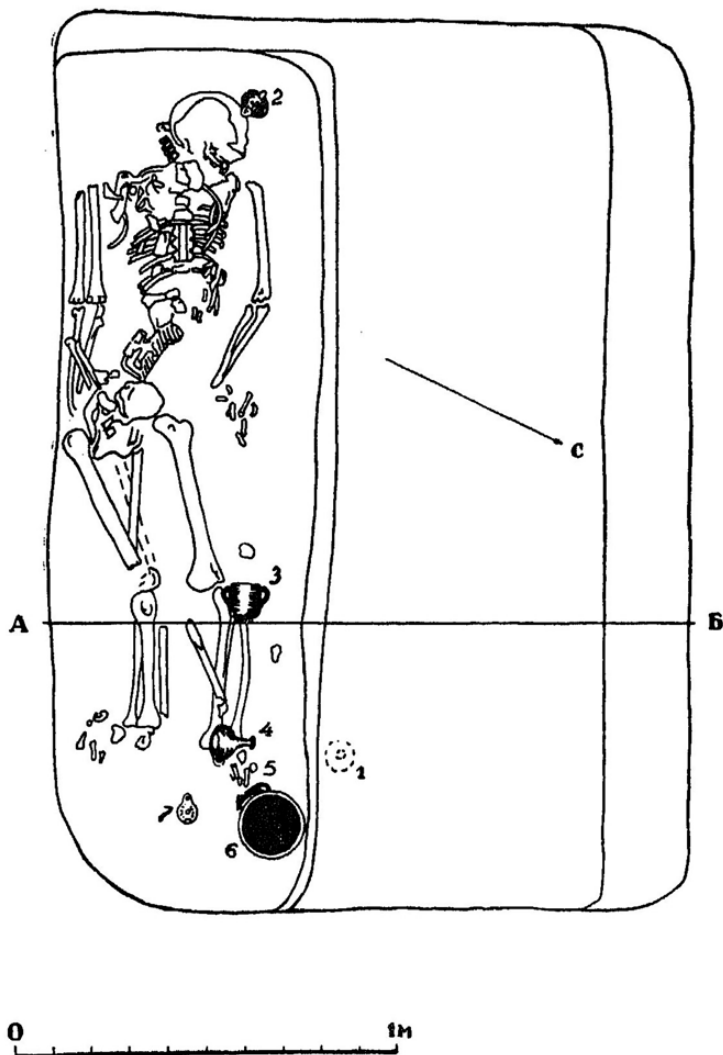

Рис. 2. План могилы: 1. Узкогорлый сосуд. 2. Светильник с изображением Эрота. 3. Краснолаковая двуручная чашечка. 4. Сосуд из стекла. 5. Красноглиняный кувшинчик. 6. Краснолаковая миска. 7. Светильник с рубчиками.

у ног второго костяка. Она имеет близкие аналогии в датированных II—III вв. комплексах Тиритак¹ и Илурата².

¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритак¹ в 1935—1940 гг., МИА, № 25, стр. 33, рис. 27.

² Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата, МИА, № 85, стр. 305, рис. II, I.

У самого черепа второго костяка находился светильник, щиток которого украшен рельефным изображением Эрота, плывущего на дельфине влево (рис. 3). Этот светильник можно отнести к типу, который О. Вальдгауер считает местным и датирует III в. н. э.¹

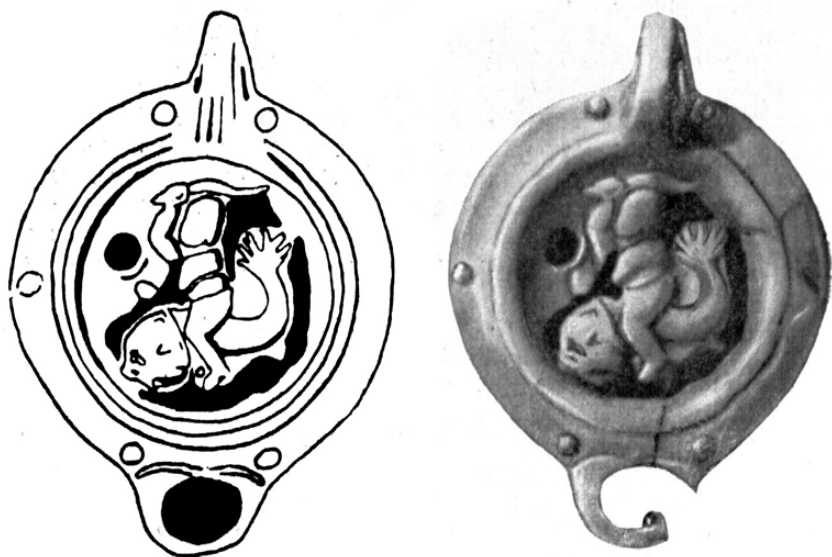

Рис. 3. Светильник с изображением Эрота на дельфине.

Светильник чрезвычайно схож по форме и по изображению на щитке со светильником из Афин, хранящемся в Пражском национальном музее. Р. Хакен относит светильник к III в. н. э.²

У ног второго костяка лежал флакон из стекла с высоким тонким горлом. На одном из шейных позвонков была обнаружена монета из низкопробного серебра Юлии Соэмии (218—222 гг. н. э.). Ко второму костяку, очевидно, относится и золотой нагубник овальной формы³ (вес 0,76 г), который был сдвинут со своего места и лежал в средней части подбоя.

Рядом с миской и частично под ней лежал красно-глиняный одноручный кувшинчик широко распространенной фор-

¹ О. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. Спб., 1914, стр. 49, сл., табл. XXXVI, № 355, 360, 362 и др.

² R. Haken. Roman lamps in the Prague National museum and other Czechoslovak collections. Praha, 1958, № 95.

³ Н. В. Пятышева. Ук. соч. стр. 29, № 3, табл. V, 11.

мы¹. Здесь же обнаружен светильник грубой работы, с рубчатými плечиками, подобный светильникам из могилы № 14 (раскопки 1937 г.). Эта могила датируется монетами II—III вв. н. э.²

Значительный интерес вызывает находка бронзового цилиндрика, какие принято считать футлярами для амулетов. Цилиндрик был найден у южной стенки подбоя. Он представляет собой трубочку длиной 4,5 см, диаметром 0,8 см, закрытую с обеих сторон круглыми крышками. На концах трубки прикреплены колечки, в которые, очевидно, пропущался шнурок. Подобные футляры (бронзовые, золотые и серебряные) находили в Херсонесе и раньше при раскопках некрополя и на городище³. В 1898 г. В. В. Шкорпилом опубликованы амулеты с заклѣтиями на золотых и серебряных пластинках и на кусочке ткани, которые были заключены в такие же футляры. Одно из заклѣтий датируется 305 г. н. э.⁴

В найденном футляре обнаружены кусочки серы и растительные остатки, определить их не удалось. Известно, что в древнем мире сера применялась в медицине как средство против некоторых заболеваний⁵. В растительных остатках можно предположить корни какой-либо лекарственной травы. Амулет в данном случае вероятно был предназначен предохранять владельца от болезней.

Судя по размерам костяков и по вещевым находкам, первый костяк женский, второй мужской. Женщина, очевидно, была похоронена раньше без гроба. Через некоторое время похоронили мужчину, сдвинув при этом кости женщины к задней стенке подбоя.

Мужчина похоронен в деревянном гробу, сбитом железными гвоздями (гвозди расположены вокруг костяка, приблизительно обозначая размеры и положение гроба).

Большая часть вещей, найденных в могиле, группируется у ног костяков. Сосуды и светильники были поставлены на гроб или на пол могилы около него, а не положены в гроб, как это часто наблюдается в могилах херсонесского некрополя. Об этом говорит ряд деталей: краснолаковая чашечка лежала на коленном сгибе мужского костяка, где она никак не могла лежать до того, как труп не истлел; один из све-

¹ ИАК, вып. 42, стр. 5—16, рис. 27, 9, 10, 11 (Из склепа № 2158, который датируется монетами II—IV вв.).

² А. К. Тахтай. Ук. соч., стр. 26—27, рис. 2; см. также МИА, № 34, стр. 188, стр. 192, рис. 41.

³ См. ОАК за 1890 г., стр. 32, рис. 17 и 17а; ОАК за 1894 г., стр. 61, рис. 85; ИАК, вып. 1, 1901, стр. 21; ИАК, вып. 9, 1904, стр. 30 и т. д.

⁴ Шкорпил. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи. ЗООИД, т. XXI, 1898, протоколы, стр. 8—11.

⁵ Авл. Корнелий Цельс. О медицине, 5, III, IV, VII, VIII, 6, IX и т. д.

тильников оказался прислоненным к черепу, кувшинчик и миска лежали за линией гвоздей от гроба.

Никаких характерных этнических признаков погребения не дают. Правда, Е. В. Веймарн считает, что тип погребального сооружения указывает на принадлежность погребенных к населению горных и предгорных районов Крыма¹. В какой-то мере это подтверждается найденными в могиле лицевыми золотыми пластинами, встречающимися преимущественно в круге местных погребений скифо-сарматского времени².

Раскопанная подбойная могила, очевидно, принадлежала одной из херсонесских семей, которая, судя по инвентарю, не была особенно богатой, но и не относилась к числу беднейших. Скорее всего, можно предположить, что это рядовое погребение средней семьи, воспринявшей обычай хоронить в подбоях и класть в могилу золотые лицевые пластины. находка монет, а также весь комплекс дают возможность датировать могилу началом IV в. н. э.

В. М. МАЛИКОВ

НОВЫЙ ВАРИАНТ ДВЕРНОГО ЗАМКА XIII—XIV вв.

Раскопками 1956 года на так называемой главной улице Херсонесского городища открыт позднесредневековый комплекс жилых помещений XIII—XIV вв. Среди разнообразных археологических находок этого времени имеется железный накладной замок, найденный у дверного проема из второго в четвертое помещение³ (рис. 1).

Замок по своей оригинальной конструкции выделяется из обширной группы известных в Херсонесе накладных замков со свободно падающими штырями⁴. Его конструкция является более совершенной.

Монтировался замок в одностворчатую дверь, механизмом внутрь, гладкой стороной пластины наружу. Прибивался он к двери гвоздями, для которых на пластине имеется

¹ Е. В. Веймарн. О некрополе около крестообразного загородного храма в Херсонесе. Архив ГХМ, дело № 695, стр. 28.

² Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 153 и сл.

³ И. Антонова. Отчет о раскопках позднесредневекового дома на главной улице в Херсонесе в 1956 г. Архив ГХМ.

⁴ Н. Третеский. Описание дверного замка, найденного в Херсонесе в 1903 г. ИАК, в. 16, стр. 114; ИАК, в. 16, стр. 174; Хсб., в. III, стр. 87; МИА, № 17, М.-Л., 1950, стр. 55; Г. Д. Белов. К изучению экономики и быта Херсонеса. СА, VII, М.-Л., 1941, стр. 236; он же, Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг., МИА, № 4, М.-Л., стр. 261.

шесть круглых отверстий (рис. 2 а). В одном из отверстий и сейчас сохранился обломок гвоздя. Кроме того, на пластине имеется еще два отверстия: горизонтальное — *ж* — сквозное для ключа и вертикальное — *д* — прорезь для ушка дверной закладки (рис. 2 б)¹. Диаметр пластины 16,5 см.

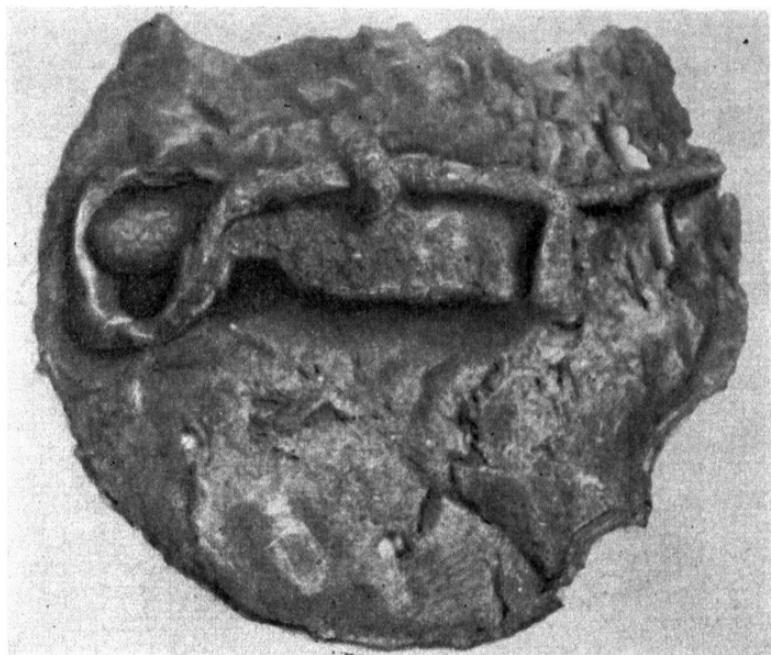

Рис. 1. Железный накладной замок из раскопок на главной улице Херсонеса в 1956 г.

Механизм замка состоит из пяти деталей, которые смонтированы на внутренней стороне пластины и принадлежат двум основным частям замка: засову и запирающему устройству. Цельнометаллический засов состоит из следующих частей: верхней пластинки А, которая в заднем конце переходит в ведущий стержень Н; передней стенки О; нижней пластинки-заслонки К и, наконец, переднего конца засова-запора Л. Засов имеет две дополнительные детали в виде круглых в сечении штырей. Первый из них является ограничителем для бородки ключа Б, второй служит направляющим стержнем для трубчатого ключа Е.

¹ Довольно большое количество подобных накладок имеется в фондах Херсонесского музея. Они постоянно встречаются при раскопках жилых домов XIII—XIV вв. Такая же накладка была найдена вместе с закрытым замком у входа в один из домов при раскопках улицы в 1932 году.

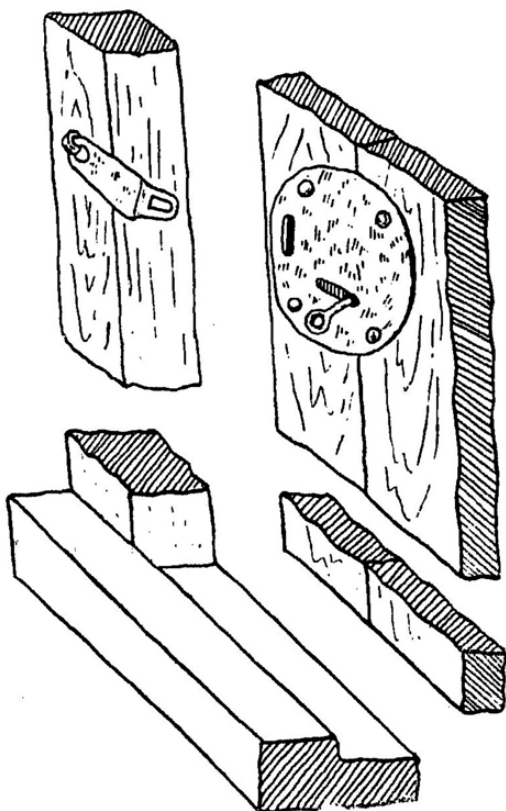

Рис. 2 а. Реконструкция одностворчатой двери жилого помещения XIII—XIV вв.

Запирающее устройство, состоящее из сплошной полосы металла, образует три важные детали: стойку Г, в отверстиях Р и С которой движется цельнокроеный засов, пружину З и запирающий штырь И¹. Стойка крепится ребром к пластине замка при помощи двух откованных сосков-штырей, концы которых впущены в соответствующие отверстия в пластине и расклепаны на ее лицевой стороне — Т, У. В середине она для большей прочности прихвачена дополнительным штырем-крючком В.

Взаимодействие частей замка протекало следующим образом: когда замок не заперт (рис. 2а), вертикальная щель Д свободна от ушка дверной накладки; цельнокроеный засов

¹ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, МИА, 32, 1953, стр. 157.

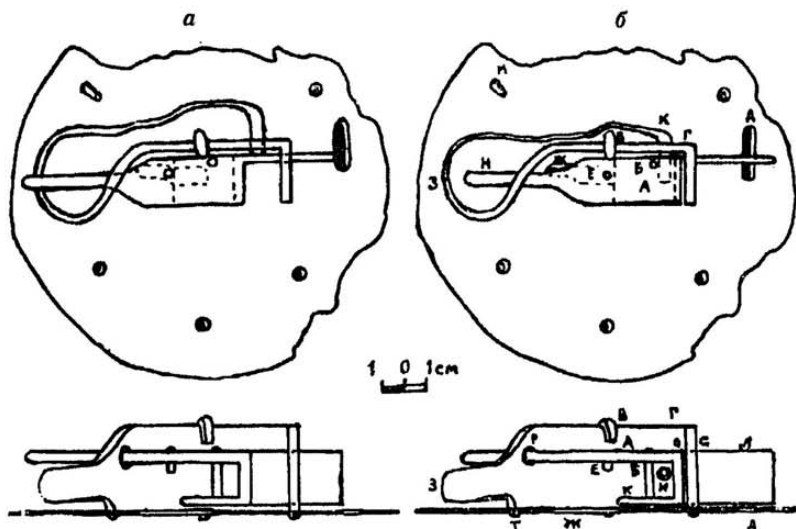

Рис. 2 а. Механизм замка в открытом состоянии.

Рис. 2 б. Механизм замка в закрытом состоянии.

помещен в левое крайнее положение; запирающий штырь И упирается в плоскость запора; пружина находится в состоянии напряжения; заслонка закрывает замочную скважину и удерживает ключ внутри замка. Движение засова влево ограничивается резким расширением ведущего стержня, скользящего в небольшой прорези Р.

В закрытом положении замка его засов подан ключом вправо (рис. 2 б). Заслонка отодвинута в это же положение, замочная скважина открыта, и ключ можно вынуть из замка. Запирающий штырь на конце пружины с верхней плоскости запора соскакивает вниз за переднюю стенку засова и не дает ему без ключа отодвинуться влево. Запор входит в ушко дверной накладки и перекрывает прорезь в пластине, сделанную для этого ушка¹.

Рассматриваемый замок представляет собой, по-видимому, наиболее совершенный вариант замков со свободно падающими штырями. В данном случае запирающее устройство выполнено по новой схеме: работа запирающего штыря под действием собственной тяжести заменена действием пружины. Несомненно, количество вариантов этой конструкции было большим. Об этом свидетельствует также замок, найденный Р. Х. Лепером в позднесредневековом слое при раскопках северо-западного участка Херсонесского горо-

¹ Замок найден при раскопках в этом закрытом положении, без ключа в замочной скважине.

дища¹. Этот замок близок к списанному нами, но запирающее устройство в нем отчленено от стойки и имеет отдельную небольшую пружину, направляющую запирающий штырь.

Подобные замки сосуществовали в Херсонесе с накладными замками, отличающимися от первых совершенно иной конструкцией².

Археологические исследования позднесредневековых строительных остатков устанавливают подавляющее преобладание в XIII—XIV вв. одностворчатых дверей; размеры дверных проемов, как наружных, так и внутренних, не превышают 1,10 м³.

По-видимому, отчасти этим фактом объясняется широкое распространение в Херсонесе дверных замков накладного типа, которые конструктивно наиболее удобны для закрытия одностворчатых дверей⁴.

Дверные проемы, пороги, сохранившиеся в некоторых из них⁵, а также замки и дверные накладки позволяют в совокупности дать реконструкцию дверей (рис. 2 а). Борт на внешней стороне порога, в который упиралась дверь нижним краем при закрывании, и характер дверных накладок свидетельствуют, что двери открывались внутрь дома. В большинстве случаев дверные пороги делались деревянными. Длина скоб, которыми прикреплялись дверные накладки к боковому косяку дверной рамы, показывает, что толщина рамы колебалась примерно от 5 до 7 см.

Многочисленные находки дверных замков, ключей и накладок к ним, различные конструктивные и типовые варианты их, а также варианты в одном конструктивном типе позволяют сделать вывод о значительном развитии этой отрасли металлообрабатывающего ремесла в позднесредневековом Херсонесе. Разнообразие вариантов замков позволяет предполагать наличие в Херсонесе нескольких мастерских, каждая из которых имела свои секреты производства. Со временем подсчет этих вариантов поможет выяснить приблизительное количество одновременно действовавших мастерских; некоторые из них могут быть ориентировочно отме-

¹ Фонды ГХМ, инв. № 23346.

² Фонды ГХМ, инв. № 15/36368.

³ Г. Д. Белов. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса, СА, VII, стр. 233, М.-Л., 1941; он же, Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931—1933 гг., МИА, 4, стр. 265, 1941 г.

⁴ Необходимо отметить, что наряду с накладными замками в Херсонесе встречаются и цилиндрические, запирающиеся на дверные кольца. Однако этот тип замков встречается значительно реже, чем первый.

⁵ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Крымиздат, 1938, стр. 297.

⁶ Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—33 гг. МИА, 4, стр. 261; Хсб., в. III, стр. 88.

чены даже при беглом просмотре отчетов о раскопках. Наряду о этим усовершенствования в конструкции замков позволяют говорить и о техническом развитии этой отрасли ремесла средневекового Херсонеса.

Б. ЭКСПЕДИЦИИ

Е. Г. СУРОВ

РАСКОПКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РАЙОНЕ ГОРОДИЩА

В августе—сентябре 1959 года отряд Уральского государственного университета им. А. М. Горького производил небольшие раскопки на северо-западе херсонесского городища¹. В этом районе раскопки велись в 1891, 1892, 1895 и 1901 гг., которыми были исследованы оборонительные стены и Западная базилика². Попутно был открыт некрополь, который К. К. Косцюшко-Валюжинич датировал римским временем.

Наши работы имели целью выяснить степень изученности этого района и получить датирующий материал для находящейся здесь цистерны № 33 (по нумерации автора). Цистерна больше чем наполовину разрушена морем, процесс разрушения продолжается. Это давало возможность не только ознакомиться с ее засыпью, но и изучить кладку стен и структуру дна. Работа по исследованию цистерны началась в 1958 г. В 1959 г. расследовался участок, прилегающий к цистерне. Площадь раскопок 10 × 10 м.

В результате раскопок этого участка, недоследованного в предшествующие годы, было обнаружено 6 грунтовых могил и склеп, в котором находилось до 30 погребений.

¹ Автор приносит от своего имени и от имени студентов-уральцев глубокую благодарность всему коллективу Херсонесского музея за внимание и помощь. Особенно мы благодарны И. А. Антоновой и С. Ф. Стржелецкому, во многом способствовавшим плодотворным результатам раскопок. Благодарны также А. Н. Щеглову, В. Н. Даниленко и Е. А. Сиротининой, принимавшим непосредственное участие в работах нашего отряда.

² ОАК за 1891 г., стр. 12—13; ОАК за 1892 г., стр. 17—18; ОАК за 1895 г., стр. 102—103; ИАК, в. 2, стр. 51—73.

Отсутствие погребального инвентаря в нише № 6 склепа, заложенной и не подвергшейся разграблению, позволяет предположить, что погребение христианское.

Были открыты также водораспределяющие устройства (резервуар, водоприемник и водосток), расположенные около колодца, раскопанного ранее на глубину до 5 м, и воз-

Рис. 1. Участок раскопок после окончания работ. Слева—здания первого и второго строительных периодов, справа (вверху)—колодец с остатками преднамеренной забутовки в связанном с ним бассейне. Снято сверху, с юго-запада.

никшие вместе с ним. Резервуар с бортами из тесаных плит (одна сохранилась в первоначальном положении) был вымощен черепицей (остатки ее выступают из-под сохранившейся плиты борта) и внутри оштукатурен цемянкой розового цвета. К западной стене резервуара примыкал водоприемник в виде прямоугольного ящика, сложенного из камня и тщательно оштукатуренного розовой цемянкой. Он имел два водостока. Один из них через отверстие прямоугольной формы шел на северо-запад, другой через вложенное в стенку водоприемника горло амфоры отводил воду на юг. Этот водосток оказался разрушенным, и направление его проследить не удалось.

В центре исследованного участка, около оборонительной стены, в естественном углублении известняковой скалы обнаружен слой цемянки розового цвета. Возможно, в этом углублении готовили раствор для постройки цистерны. Сходство раствора позволяет полагать, что сооружения около

колодца и упомянутая яма имели непосредственное отношение к цистерне и синхронны ей.

На раскопанном участке обнаружены остатки двух зданий, пристроенных к оборонительной стене. Меньшее из них, видимо, было тесно связано с цистерной. Об этом говорит наличие штукатурки на внешней стене цистерны и деревянного настила на полу (о чем свидетельствует находка большого количества железных гвоздей с проржавленной древесиной и остатки бревна). Назначение второго здания, которое возникло позже и перекрывало первое, пока определить не удалось. Возможно, перед нами второй строительный период одного и того же здания.

Раскопки показали, что исследованный участок не был докопан К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Вопрос о происхождении засыпи цистерны № 33 остался открытым. Выяснилось, что первоначально на расследованной территории существовал некрополь, время возникновения которого из-за плохой сохранности грунтовых могил определить трудно. Конечную дату некрополя дает склеп, который возник сравнительно поздно, о чем в какой-то мере свидетельствуют плита, закрывавшая вход в склеп, с надписью 130—131 г. н. э. и нумизматический материал. Последний позволяет утверждать, что склеп перестал использоваться не ранее конца IV в. н. э., т. е. в период проникновения христианства в Херсонес.

Следующий этап в истории этого района связан с постройкой новой линии оборонительных стен. Под их защитой стало возможным заниматься хозяйственной деятельностью. К этому времени (V—начало VI в.) следует отнести функционирование цистерны и колодца с его сложной системой распределения воды.

Постройка Западной базилики, время которой мы не решаемся определить, прекратила существование вышеперечисленных хозяйственных комплексов. Об этом говорит преднамеренная забутовка резервуара у колодца.

Таким образом, раскопки в северо-западном районе города дали новые материалы для изучения этого участка города в позднеантичную эпоху и раннее средневековье.

Другим важным результатом раскопок явилось открытие мраморной плиты с полным текстом почетного декрета в честь Папия, уроженца Гераклеи. Плитой был заложен вход в склеп. Она датирована 130—131 гг. н. э. и содержит суммарное описание заслуг Папия, точный перечень привилегий, даруемых ему, и список должностных лиц, удостоивших декрет¹.

Е. Г. Суров. Новая херсонесская надпись, ВДИ, № 3, 1960, стр. 154.

Ценность этой находки состоит не только в том, что это первая дошедшая до нас полностью херсонесская проксения, но особенно в том, что она поставлена на следующий год после надписи с проксенией в честь Диа. . . Гераклеяца, значительный фрагмент которой был обнаружен в 1902 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем¹.

Сопоставление этих двух надписей приводит к ряду важных выводов, относящихся к государственному строю Херсонеса. Благодаря этим проксениям представляется возможным судить о количественном и социальном составе совета Херсонеса, о его структуре и сменяемости. Новая надпись расширяет наши представления о численном составе коллегий должностных лиц. Она содержит название месяца, которое ранее нам не было известно, а это обязывает еще раз вернуться к вопросу о происхождении херсонесского календаря. Кроме того, она имеет большое значение для решения и других более узких специальных конкретных вопросов.

А. Н. ЩЕГЛОВ

РАЗВЕДКИ 1959 ГОДА НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КРЫМА

Вопрос о земельных владениях античного Херсонеса в Западном Крыму разработан недостаточно полно². Более или менее изучены памятники ближайшей округи Херсонеса, в частности памятники Гераклеяского полуострова³. Территория побережья западного и северо-западного Крыма, а также прилегающая к ней степная часть не привлекала к себе достаточного внимания исследователей.

В 1933—34 гг. П. Н. Шульцем были проведены разведки побережья Западного Крыма и произведены небольшие раскопки на городище Кара-Тобе близ Евпатории⁴. Разведки

¹ IosPE, 12, №

² Различные точки зрения по этому вопросу получили отражение в литературе. См. А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, IV, ВДИ, 1950, № 2 (приведена библиография); Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. АИБ, Симферополь, 1952, стр. 115; О. Д. Дашевская. Скифские городища Крыма. Автореферат диссертации, М., 1954; Н. В. Пятышева. Скифы и Херсонес. ИАДК, 1957.

³ С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. Автореферат канд. дисс. М, 1960.

⁴ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции, СА, III, 1937; Он же, Евпаторийский район. Сб. «Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг.». М.-Л., 1941.

были продолжены во время работ Тавро-скифской и Северо-Крымской археологических экспедиций уже в послевоенные годы. Евпаторийский отряд производил раскопки Керкинитиды и Калос Лимена¹. Таким образом, раскопкам подверглись в основном античные города. Исследование остальных памятников на территории Западного Крыма было ограничено по преимуществу разведками, сопровождавшимися небольшими раскопками курганов.

Между тем памятники Западного Крыма, расположенные между античными городами от Калос Лимена до Херсонеса, представляют значительный интерес. Тщательное археологическое исследование их путем раскопок позволит осветить ряд вопросов экономики и политической истории античного Херсонеса и позднескифского государства в Крыму.

Разведками 1959 г. Херсонесский музей продолжил исследование памятников побережья Западного Крыма. Обследованию подверглись остатки предполагаемой античной усадьбы в округе Керкинитиды², поселения южной части Тарханкутского полуострова (рис. 1) и Альминское устьевое городище (Алма-Тамак).

Остатки стен предполагаемой античной усадьбы, находящейся в 6 км к западу от Евпатории, у санатория „Чайка“, были обнаружены в марте 1959 г. случайно, при разработке песка³.

Произведенные зачистки выявили фундамент и цоколь стены монументальной постройки (рис. 2). Стена сложена насухо из тщательно подогнанных известняковых квадров. В обрезах прослеживаются глинобитные полы. На основании подъемного материала памятник можно предварительно датировать III—II вв. до н. э., но, судя по характеру кладки стены монументальной постройки, возможно, что это сооружение относится к более раннему времени⁴.

Вдоль южного берега Тарханкутского полуострова, от пересыпи Донузлавского озера до мыса Ойрат (Урет), обслед-

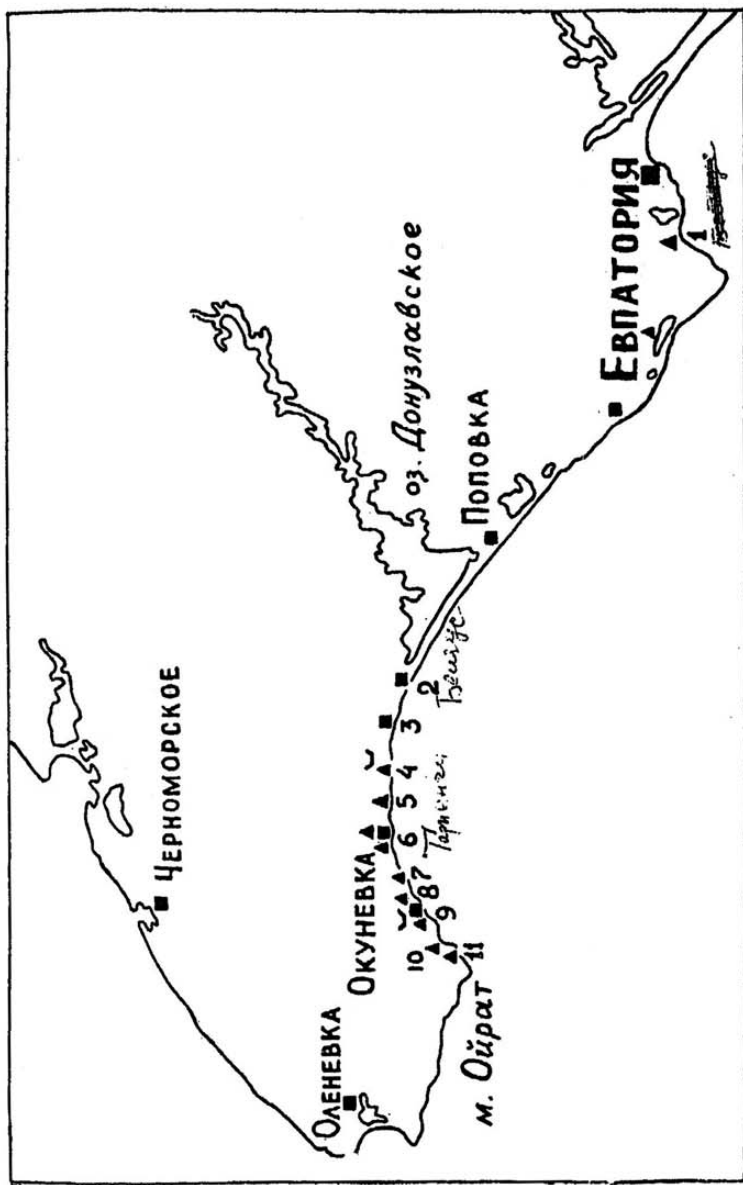
¹ М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена, ИАДК, Киев, 1957.

² А. Н. Щеглов. Новый античный памятник близ Евпатории, КСИА (в печати).

³ Во время работ Тавро-скифской экспедиции в 1948 г. на этом месте были произведены сборы подъемного материала (см. Отчет П. Н. Шульца о разведочных работах Евпаторийского отряда Тавро-скифской экспедиции в 1948 г. Архив Отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР).

⁴ Летом 1959 г. были начаты раскопки этого памятника скифским отрядом Крымской экспедиции ИА АН СССР под руководством А. Н. Карасева. В результате раскопок А. Н. Карасев определяет упомянутую постройку как общественное сооружение и датирует ее IV—III вв. до н. э. Кроме того, раскопками открыты остатки стены из рваного камня, которые А. Н. Карасев относит к II в. до н. э.

■ ГОРОДИЩЕ ▲ СЕЛИЩЕ ∩ ГРУНТОВОЙ МОГИЛЬНИК

Рис. 1. Поселения Тарханкутского полуострова.

1-11 — обследованные памятники; 1—санаторий «Чайка»; 2—Белаяс; 3—Красный курган (Культучук); 4—Дазурное (Джага-Кульчук); 5—Окуневка-1; 6—Тарлани; 7—Пристань № 15; 8—Марьино-1; 9—Джан-баба (Марьино); 10—Морское-1; 11—Морское (Ойрат).

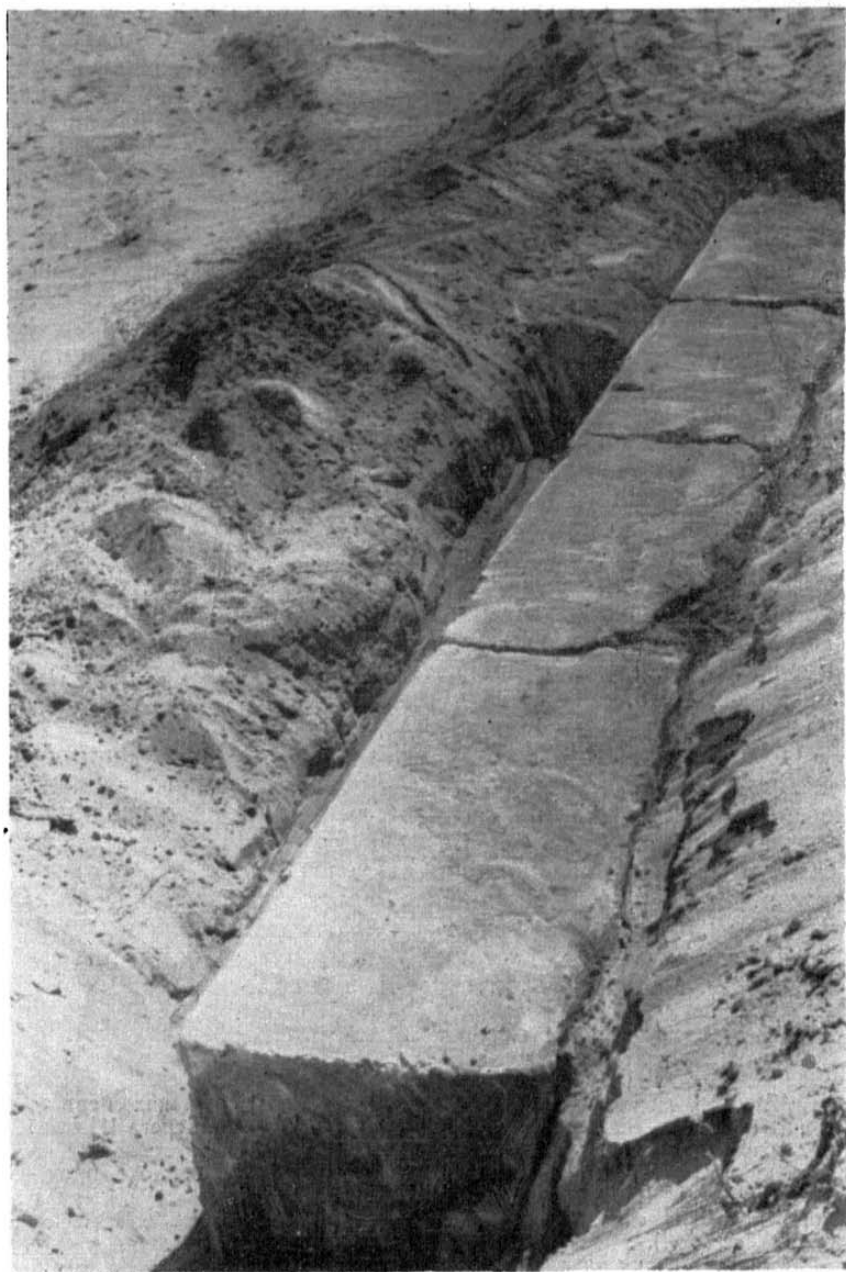

Рис. 2. Кладка стены античной постройки у санатория «Чайка». Деталь.

довано 13 городищ и селищ античного времени¹. Часть их открыта впервые: селище Окуневка-I, могильник у с. Лазурное, селища близ Марьино и Морское-I. Остальные памятники были открыты во время разведок П. Н. Шульца².

Памятники этого района расположены цепочкой вдоль морского берега с интервалами от 2 до 4 км. Они разделяются на городища и селища, причем в некоторых случаях (Тарпанчи, Джан-баба) образуют комплексы, состоящие из городища и примыкающих к нему селищ. В двух местах (Лазурное и Джан-баба) выявлены грунтовые могильники.

Городища имеют в плане прямоугольную или округлую форму. Все они, как правило, расположены на высоких, слегка выдающихся в море мысах, ограниченных с напольной стороны балками. Площадь их колеблется от 1500 кв. м (Тарпанчи) до 10 000 кв. м (Красный курган). Селища тоже размещены на возвышенностях, обычно на краях балок, выходящих к морю.

У западного края пересыпи Донузлавского озера находится городище Беляус площадью около 3500 кв. м. Оно имеет план вытянутого прямоугольника и было обнесено оборонительной стеной, облицованной известняковыми квадрами.

Подъемный материал, собранный на городище, состоит из обломков керамики эллинистического и римского времени. Преобладает привозная тара, главным образом херсонесского производства. Предположение П. Н. Шульца о том, что это укрепление могло охранять вход в Донузлавский лиман³, на наш взгляд, требует поправки.

Донузлавский лиман (озеро) риасового происхождения, и его пересыпь, по-видимому, образовалась намного раньше возникновения указанного городища, хотя полная изоляция озера наступила недавно⁴. Относительная стабильность берегов этого района подкрепляется исследованиями гидрологов. Доказательством древнего нарастания пересыпи Донузлава служат расположенные за ней отмершие клифы (абразионные обрывы)⁵. В настоящее время происходит отступление пересыпи и погружение береговой полосы⁶.

¹ В разведке участвовал студент ЛГУ А. В. Гадло.

² П. Н. Шульц. Евпаторийский район, стр. 265—277.

³ П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 270.

⁴ В. П. Зенкович. Морфология и динамика советских берегов Черного моря, т. II, М., 1960, стр. 156, 192—197. Он же. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958, стр. 82—86. Работы В. П. Зенковича в значительной степени уточняют выводы А. И. Дзенс-Литовского о происхождении пересыпи Донузлава (А. И. Дзенс-Литовский. Пересыпи и косы крымских соленых озер. Изв. Географического об-ва, т. XV, вып. 6, 1933, стр. 594).

⁵ В. П. Зенкович. Морфология и динамика..., стр. 193.

⁶ В. П. Зенкович. Ук. соч., стр. 193, 197. Следует отметить, что нарастание пересыпей озер Сакского и Сасык продолжается и в настоящее время (там же).

На берегах Донузлавского лимана не обнаружено поселений, идентичных по времени и характеру поселениям береговой полосы Тарханкута, между тем они должны были там быть, если бы Донузлав представлял собой открытый залив моря. Отсутствие таких поселений на его берегах значительно подтверждает предположение о почти полной замкнутости бассейна Донузлавского лимана в рассматриваемый период¹.

Очевидно, следует предположить, что укрепление Беляус, как и городище у дер. Поповка с восточной стороны пересыпи Донузлава (возможно, такое же укрепление), прикрывало дорогу, проходившую по пересыпи и соединявшую Прекрасную Гавань и поселения побережья с Керкинитидой. Возможно, такую же функцию выполняло городище Кара-Тобе², находящееся у входа на пересыпи озер Сакского и Сасык, прикрывая с одной стороны ближайшие подступы к Керкинитиде и держа под контролем прибрежную дорогу на Херсонес.

Наиболее крупным по площади является городище Красный курган (Кульчук), расположенное к западу от городища Беляус. Среди подъемного материала здесь, как и на остальных памятниках этого района, преобладает керамика херсонесского производства. Найдена медная ольвийская монета второй четверти II в. до н. э.³

На восточной окраине с. Лазурное (б. Джага-Кальчук) находится селище, примыкающее одной стороной к балке, а другой к береговому обрыву. Подъемный материал идентичен материалу городища Красный курган.

Во время разведок детально был обследован комплекс Тарпанчи, расположенный на восточной окраине с. Окуневка (б. Тарпанчи). Этот комплекс состоит из городища и примыкающих к нему с запада и востока селищ.

Городище (рис. 3, 4) расположено на небольшом, слегка выступающем в море мысу. Площадь его не превышает 1500 кв. м. Оно было окружено оборонительной стеной и рвом. Остатки оборонительной стены (толщина до 3 м) видны в обрезах на юго-западном и северо-восточном углах городища (рис. 4). Стена сложена из рваного камня на глине.

¹ Соединение с морем могло осуществляться посредством узкой протоки—гирла, которое еще существовало в 1874 г.

² П. Н. Шульц. Ук. соч., стр: 272.

³ Определение А. М. Гилевич. А. Н. Зограф предполагает, что выпуск монет этой серии „связан с распространением митридатоваго влияния; начался он немедленно после побед Лиофанта в Крыму“ (А. Н. Зограф. Античные монеты: МИА, № 16, стр. 133 и сл., табл. XXXIII, 7). Таким образом, указанная находка представляет интерес в связи с обстановкой, сложившейся в Зап. Крыму после походов Диофанта.

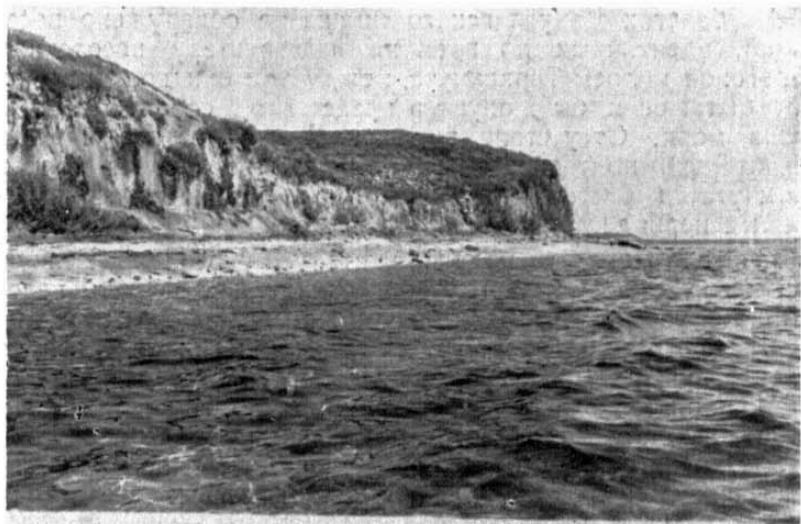

Рис. 3. Городище Тарпанчи

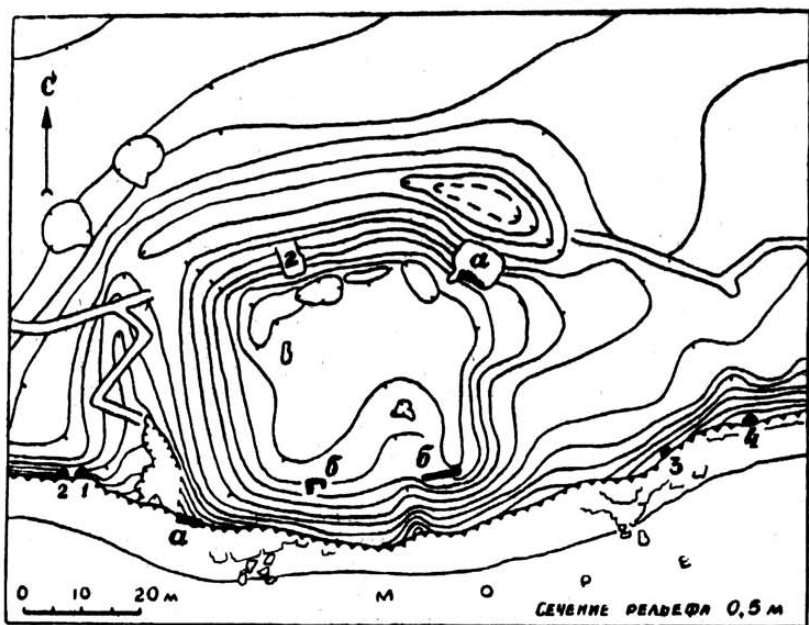

Рис. 4. План городища Тарпанчи: а — выходы оборонительной стены в обрезах; б — остатки стен построек; в — карьер для добычи глины; 1 — 4 — хозяйственные ямы.

Въезд на городище находился со стороны восточного поселения. На поверхности местами видны выходы кладок стен построек. Особенно отчетливо они выступают в береговой части (рис. 4).

Городище пережило два периода своего существования. Первый период предварительно может быть датирован с III в. до н. э. по конец II—начало I в. до н. э. Он заканчивается слоем пожарища, который особенно четко прослеживается в обресе карьера для добычи глины на северном склоне городища, где, по-видимому, сгорела какая-то постройка, в которой хранились запасы хлеба. Выходящий в обрез глинобитный пол покрыт слоем горелого зерна. Взятое на анализ зерно, по нашему подсчету, содержит мягкую пшеницу (ок. 89,5%), ячмень (ок. 9,5%) и рожь (ок. 1%). Слой пожарища может быть связан с походами Диофанта.

Второй период жизни городища продолжался, судя по единичным находкам обломков амфор, до III в. н. э.

Западное селище начинается непосредственно за рвом и тянется вдоль берега на 200 м в длину. В береговом обресе видны остатки каменных построек с глинобитными полами, хозяйственные ямы.

Две хозяйственные ямы обнаружены в обресе берега на восточном крае селища. Одна из них (рис. 4), диаметром 1,80 м, заполнена более чем наполовину серо-синей глиной (глеем).

Во второй яме, диаметром 2,70 м, заполненной золой, перемешанной с кусками пещины, мелкими обгорелыми костями животных и клешнями крабов, на дне находился лепной фрагментированный горшок. Тесто этого сосуда, как показал рентгенанализ, замешано вместе с зернами культурного винограда (*Vitis vinifera* L.)¹, аналогичными зернам из раскопок на Гераклеюском полуострове. Наличие культуры винограда в степной части Крыма для этого времени засвидетельствовано впервые².

Среди подъемного материала доминирует привозная досуда, главным образом обломки амфор, кувшинов и лутериев херсонесского производства, а также синопских амфор

¹ Определение проф. А. М. Негруля.

² Виноградарство и виноделие имели большое значение в экономике Херсонеса (С. Ф. Стрелецкий, ук. соч.). Что касается вопроса о разведении винограда скифами, то только в последние годы получены утвердительные данные. На скифских городищах Неаполь и у с. Красная Заря обнаружены давилки для винограда (П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского, ИАДК, 1957, стр. 78; Е. В. Веймарн. Отчет о работе Горного отряда Тавро-скифской экспедиции в 1954 г., Архив отдела ИА АН УССР в Симферополе, стр. 25). На Неаполе найдена обуглившаяся виноградная лоза (Н. А. Троицкий. Растительный покров Неаполя скифского. Рукопись в архиве отдела ИА АН УССР).

и светлоглиняных амфор с двустольными ручками, кровельной черепицы, краснолаковой и буrolаковой посуды.

Местная керамика представлена обломками лепных горшков, мисок и черпаков из серой глины, большей частью без лощения. Орнамент, как правило, отсутствует. Изредка встречаются венчики с защипами по краю.

В одном километре к востоку от Тарпанчи обнаружено селище (Окуневка-1), расположенное на небольшом мыске. Селище, по-видимому, связано с комплексом Тарпанчи. Культурный слой на нем смыт. На поверхности собраны обломки херсонесских и синопских амфор III—II вв. до н. э. и кровельной черепицы.

К западу от комплекса Тарпанчи зафиксировано четыре селища (у Пристани № 15, на восточной окраине с. Марьино, на восточной и западной окраинах села Морское) и комплекс Джан-баба. Последний состоит из прямоугольного в плане городища, примыкающего к нему селища и грунтового могильника¹. На селище найден обломок сосуда из местной глины, сделанного на гончарном круге.

Хронологически и по-своему расположению эти памятники тождественны описанным. Исключение составляет селище на западной окраине с. Морское (б. Ойрат), которое, видимо, возникло в более раннее время.

Все поселения южного побережья Тарханкута возникают приблизительно в одно время, видимо, около начала III в. до н. э. Выдвинутые ранее предположения о их возникновении в IV в. до н. э.² пока не подкрепляются материалами разведки. Внешне по своему характеру описанные городища сходны с „малыми“ городищами нижнего течения Днепра. Все поселения были расположены, по-видимому, вдоль дороги, проходившей по побережью от Керкинитиды в Прекрасную Гавань. Они имеют ярко выраженный земледельческий характер, вероятно с преобладанием хлебопашества. Следует отметить появление гончарного круга (Джан-баба). Об этом же, возможно, косвенно свидетельствуют запасы гончарной глины на селище Тарпанчи.

Преобладание на всех поселениях керамики III—II вв. до н. э. херсонесского производства заставляет предполагать тесные экономические связи между этим районом и Херсонесом. Возможно, что некоторые из городищ являются укреплениями; упомянутыми в гражданской присяге херсонесцев.

¹ В 1958 г. во время поездки П. Н. Шульца на это городище, в которой принял участие автор, было осмотрено случайно найденное надгробие из известняка с греческой надписью. Надгробие хранится в Крымском областном краеведческом музее.

² А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, IV, ВДИ, 1950, № 2, стр. 49.

От описанных памятников отличается Альминское городище (Алма-Тамак), расположенное у устья р. Альмы, севернее мыса Лукулл¹.

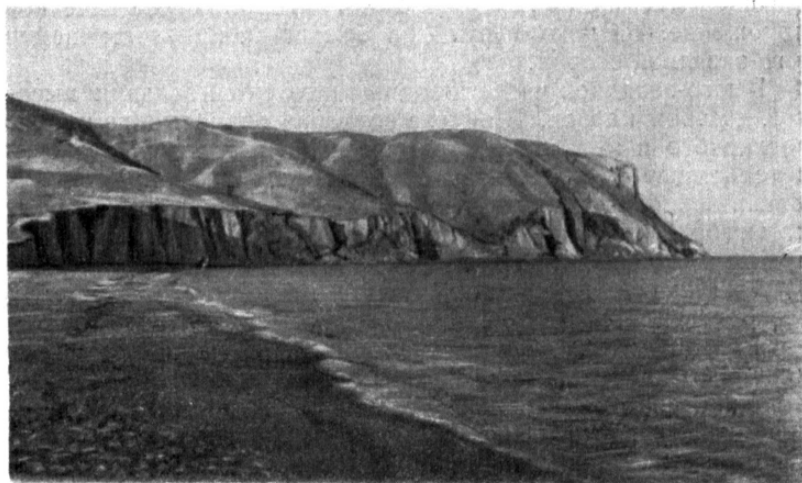

Рис. 5. Альминское устьевое городище.

Городище размещено на выдающемся в море мысу с совершенно отвесными обрывами, достигающими тридцатиметровой высоты, сложенными из красноватых четвертичных глин со слоями натуральной охры (рис. 5, 6). С напольной

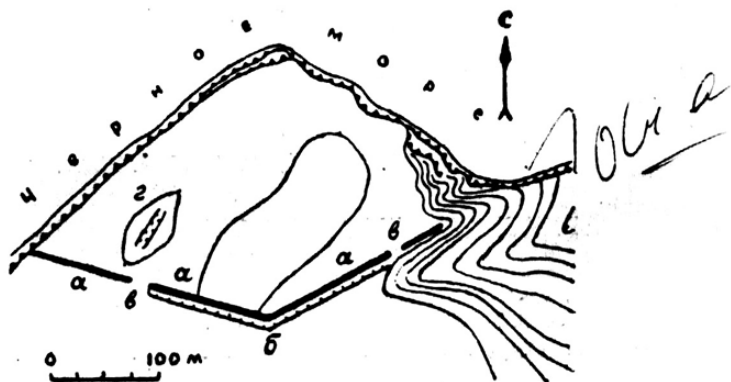

Рис. 6. План Альминского городища: а—вал, б—ров, в—въезды, г—большой зольник.

стороны городище защищено земляным валом и рвом (рис. 6).

¹ Упоминание о городище имеется в статье П. Н. Шульца «Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. „Советский Крым“, № 5, Симфер., 1947, стр. 67.

В плане оно образует ромб площадью около 24 500 кв. м с вершинами, направленными по странам света.

По своему положению городище доминирует над окружающей местностью, занимая очень выгодное стратегическое положение. На него ведут два въезда—с юго-восточной и юго-западной сторон.

В юго-западной части городища находится зольник высотой до трех метров. В обресе зольника видно много кусков гончарного и металлического (железного) шлаков, что свидетельствует о существовании на городище гончарных¹ и металлообрабатывающих производств. Собранный на поверхности городища значительный подъемный материал относится преимущественно к первым векам н. э.²

Альминское городище (Алма-Тамак) по своему типу резко выделяется не только среди городищ западного Крыма, но и среди всех крымских городищ скифо-сарматского времени. По площади это одно из трех наиболее крупных городищ, считая Неаполь и Красное (Кермен-Кыр). Его планировка и характер системы обороны (рва и вала) сильно напоминают устройство римских лагерей³. Это, а также подъемный материал, собранный на нем, и общая политическая ситуация, сложившаяся в Крыму в первых веках н. э., дают некоторые основания предположить существование на этом месте, вблизи от Херсонеса, римского лагеря. Возможно, что как лагерь Hod Hill и в Хараксе, лагерь у устья р. Альмы был размещен на месте более раннего местного поселения.

В. ФОНДЫ

О. И. ДОМБРОВСКИЙ, Е. А. ПАРШИНА

АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

В Херсонесском музее хранится большая коллекция (1180 экземпляров) античных и средневековых архитектурных деталей и фрагментов. До сих пор в печати почти не появ-

¹ О. И. Домбровский. Керамическая печь на скифском городище „Красное“, ИАДК, 1957, стр. 209.

² Сходную картину дали сборы на этом городище во время разведок Тавро-скифской экспедиции в 1948 году (см. упомянутый отчет П. Н. Шульца).

³ Например лагерь Hod Hill в Доршете. O. S. C. Crawford. Luftbildant nahmen von Archäologischen bodendenkmälern in England. Luftbild und Luftbildmessung, № 16, Berlin, 1938, стр. 28.

лялось работ, посвященных этим памятникам, хотя они дают наглядное представление о характере архитектуры, состоянии камнерезного дела и размахе строительства в различные периоды истории города.

С 1959 г. Херсонесским музеем и отделом античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР начато совместное исследование архитектурных фрагментов, накопленных в Херсонесе за многие годы раскопок. В итоге работы предполагается издание каталога архитектурных деталей Херсонеса с реконструкциями отдельных памятников и их историко-архитектурной характеристикой.

Данная статья является лишь первой попыткой систематизации архитектурных фрагментов и освещения процесса развития архитектуры античного Херсонеса. Авторы учитывают, что в дальнейшей работе некоторые их положения потребуют более развернутой аргументации, которая и будет дана при углубленном исследовании отдельных памятников.

В 1960 году при музее организован архитектурный лапидарий, имеющий два отдела: античный и средневековый. В античном отделе в настоящее время сосредоточено 360 камнерезных изделий из мрамора и местного мелкопористого известняка. Они относятся к периоду от IV—III вв. до н. э. до IV в. н. э. Предварительная хронологизация их по стилистическим признакам нуждается в дальнейшем уточнении на основе более широкого сопоставления с другими памятниками античной архитектуры. Тем не менее уже сейчас можно по ним проследить основные пути развития архитектуры античного Херсонеса.

Две группы античных архитектурных деталей Херсонеса — мраморные и известняковые — различаются не только материалом, но и характером резьбы. Сопоставление близких по размерам и архитектурному ордеру одноименных деталей, например капителей разных периодов, показывает, что, начиная с рубежа н. э., изделия из известняка местной работы постепенно отдаляются по стилю и технике резьбы от мраморных изделий, уже тогда в подавляющем большинстве привозных. В эллинистический период в Херсонесе, по-видимому, работали приезжие мастера, передававшие свое искусство местным камнерезам. В это время порезки из местного камня несоизмеримо преобладали над мраморными, сделанными из привозного материала. Возможно, многие из этих мраморных деталей были изготовлены в самом Херсонесе, но встречаются среди них и такие, стиль резьбы которых выдает их восточно-греческое происхождение (рис. 1).

Как правило, между известняковыми и мраморными деталями архитектуры Херсонеса IV—III вв. до н. э. нет почти никакой стилистической разницы. Техника исполнения тех и других деталей стояла на одинаковом уровне, одинаково

высокими были их художественные достоинства. Об этом особенно ярко свидетельствуют ранее опубликованные фрагменты фриз и архитравов из Херсонеса¹.

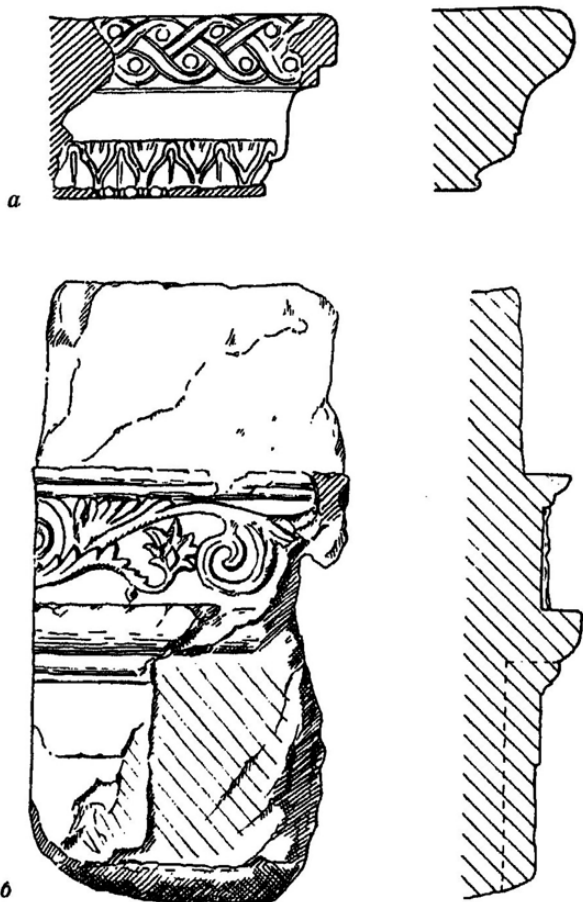

Рис. 1. Эллинистические архитектурные детали: а — фрагмент мраморного резного карниза; б — фрагмент известнякового архитрава местной работы.

Неизученность Гераклеи Понтийской — метрополии Херсонеса — не позволяет проследить до самых истоков ту живую связь, которая, надо думать, существовала между архитек-

¹ В. В. Борисова. Эллинистические архитектурные детали. Сообщения Херсонесского музея, 1, Крымиздат, 1960, стр. 6—8, рис. 1, 2, 3, 4.

турой этого крупного эллинистического центра и его колонии — Херсонеса Таврического. Однако сопоставление херсонесских архитектурных деталей местной работы с подобными изделиями ряда других крупных городов восточной Греции и Малой Азии говорит о том, что подавляющее большинство их связано с ближневосточным кругом памятников эллинистической архитектуры. Так, некоторые наиболее ранние в Херсонесе капители и другие детали довольно строго, не обремененного украшениями дорического ордера перекликаются с аналогичными деталями в постройках Мегалополя (Стоя Филиппа)¹.

Обломы других, несколько более поздних деталей того же ордера с более усложненной и богатой профилировкой (капители, плафоны, барабаны каннелированных колонн и т. п.) весьма близки к обломам одноименных деталей эллинистического гимнасия в Милете².

Профили наиболее поздних дорических и ионийских капителей колонн и, в особенности, антов из Херсонеса напоминают такие же формы в архитектуре Пергама, Приены и других городов Малой Азии. Во многих херсонесских архитектурных деталях III в. до н. э. заметно характерное для малоазийской эллинистической архитектуры проникновение в доричу элементов ионийского ордера. Капители и прочие детали этого ордера из Херсонеса находят близкие аналогии в деталях широко известных памятников того же Пергама (алтарь Зевса), Приены (храмы Афины и Зевса), а также Магнесии (храм Артемиды, Священная стоя), Милета (Булевтерий), Дидимы (Дидимейон).

Стилистическое единство архитектуры эллинистического Херсонеса и малоазийских областей Греции объясняется не только периодическими приливами в Херсонес новых переселенцев из его метрополии и других городов Малой Азии и его непрерывными торговыми связями с этими городами. Не менее важной причиной такой близости были внутренние закономерности развития самой архитектуры.

Архитектура IV и отчасти III веков до н. э. еще не знала декоративного приема одевания стен и перекрытий облицовочными, т. е. по существу навесными, архитектурными украшениями. Как известно, архитектурные детали того времени являлись неотъемлемой частью строительной конструкции. Их техническое значение было почти равносильно художественному. Эти детали выделялись в процессе возведения того или иного здания и предназначались только для данной постройки. Как правило, они изготовлялись на месте из того же материала, из которого строились стены.

¹ Excavations at Megalopolis, JHS, London, 1892, стр. 61, сл. p. 57.

² T. Wigand, Milet, I, 6, Berlin and Leipzig, 1922, стр. 8, 9, 11, 12.

Естественно, при этом был почти исключен экспорт заранее заготовленных деталей из каких-либо художественных центров на периферию. Очевидно, из крупных городов Греции в Херсонес являлись сами мастера-строители и резчики по камню. Иную картину, как увидим, дают архитектурные детали Херсонеса на рубеже и в первых веках н. э.

Бурные политические события в Херсонесе во II—I вв. до н. э.—внешние войны и внутренние волнения—не способствовали развитию в городе строительства. В это время зодчество Херсонеса переживало глубокий упадок, соответствующий тому экономическому кризису, который охватил его в конце II в. до н. э.¹ Об этом ярко свидетельствует сильное снижение качества таких крупных построек, как, например, херсонесский театр, восстановленный в это время после какого-то крупного разрушения. В строительстве частных и общественных зданий Херсонеса этого периода преобладает грубая и примитивная бутовая кладка на глине.

От первого столетия н. э. в Херсонесе не сохранилось крупных художественно исполненных архитектурных деталей, что свидетельствует о преимущественно утилитарном характере возрождающегося городского строительства. Отделка частных домов была, очевидно, скромной; об отделке общественных зданий судить трудно из-за малочисленности строительных остатков того времени. В I в. до н. э.—I в. н. э. здесь, видимо, относительно богато украшались только мелкие храмы—молельни и алтари. Такие сооружения, возводившиеся в основном из местных материалов, иногда дополнялись небольшими привозными украшениями из мрамора. Судя по архитектурному стилю, только часть этих украшений происходит из малоазийских и островных центров; немалая доля готовых архитектурных деталей теперь идет в Херсонес из Фракии и Мезии. В дальнейшем, во II—III вв., привоз подобных изделий из западнопонтийских городов все время возрастает. Это могло быть связано с развитием коммуникаций римских воинских подразделений (в том числе XI Клавдиева легиона), оккупировавших эти страны, как и все Северное Причерноморье.

В то же время в Херсонесе, насколько можно судить по обломам сохранившихся деталей и фрагментам архитектурных памятников, развивалось и свое камнерезное ремесло, игравшее роль второстепенной отрасли строительного дела. Продукцию его в основном составляли многочисленные каменные поделки, связанные с архитектурой „малых форм“. Сюда относятся главным образом надгробия в виде архитектурных фасадов с фронтонами, а также простейшие по

¹ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 106.

профилю карнизы, капители, базы, крупноблочные антаблементы и фронтоны каких-то миниатюрных храмов-памятников и других небольших построек.

Строительная реформа, проведенная римлянами в первых веках новой эры, состояла, как известно, в широком применении известково-цемянковых бетонов и кирпичных (а также бутовых) кладок на том же растворе в сочетании с облицовками и украшениями из более дорогих материалов. Эта реформа проникла и в Херсонес, где примерно с середины II в. н. э. начало расширяться городское строительство¹.

Торговые и военные корабли, которые, по всей вероятности, часто и регулярно курсировали между Херсонесом и другими городами Черноморского побережья, везли в Херсонес готовые мраморные детали для наружной и главным образом внутренней отделки зданий: капители, стволы и базы колонн и антов, карнизы, плафоны, облицовки стен и пилястр, декоративные архивольты для обрамления вошедших в употребление арок. Римское пристрастие к единообразию, к определенности и порядку усиливало широкое применение таких заготовок в самых различных областях строительства. В провинциальном зодчестве римлян с большей силой, чем в столице, господствовал архитектурно-строительный стандарт, выражавшийся в одинаковых типах и размерах зданий и их одноименных частей, а также в многократном повторении одних и тех же деталей в разных постройках.

Наиболее ранние для Херсонеса образцы римско-ионийских капителей из мрамора еще сохраняют ясный отпечаток эллинистической традиции (рис. 2). Поздние римско-ионийские капители из Херсонеса (III—IV вв. н. э.) носят более грубый и несколько вычурный, но в то же время живописный характер. Выпуклые формы ов и пальмет, сильно выступающие полочки абака, вывернутые наружу и немного книзу завитки волют дают богатую и тревожную игру светотени. Аналогией, территориально наиболее близкой этим

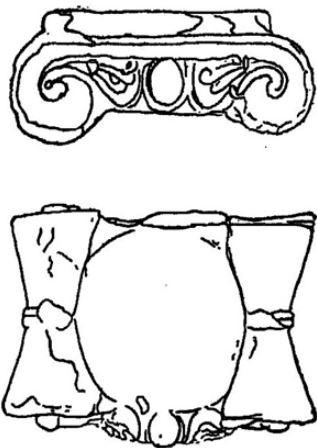

Рис. 2. Римско-ионийская мраморная капитель из Херсонеса.

¹ Г. Белов. Ук. соч., стр. 125.

херсонесским капителям, могут служить капители ионийского ордера из храма в Гарни близ Еревана¹, в архитектуре которого греко-малоазийские влияния прослеживаются достаточно ясно. Подобной живописностью отличаются и мраморные карнизы с почти горельефными акантами и овами, фрагменты которых имеются в херсонесском лапидарии. Они напоминают детали архитектуры позднего Пергама², что опять-таки указывает на возможность их малоазийского происхождения.

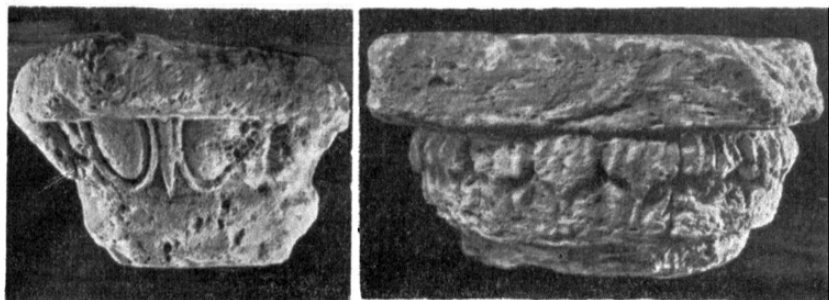

Рис. 3. Варваризированные архитектурные детали первых веков. Работа местных мастеров.

Ввоз в Херсонес мраморных архитектурных деталей и облицовочных плит, очевидно, сначала был связан со строительством небольших или средних по размерам общественных зданий. В Херсонесе не часто встречаются мраморные поделки II—III вв. таких значительных размеров, как базы диаметром 0,82 м, говорящие о великолепных постройках, вероятнее всего больших храмах.

Произведения местного камнерезного ремесла Херсонеса II—III вв. н. э. стилистически делятся на два разряда, различающихся величиной поделок. К одному из них можно отнести мелкие архитектурные детали, связанные в основном с частным жилым строительством и погребальным культом. Вторым разрядом составляют, наоборот, весьма крупные детали, видимо, принадлежавшие большим общественным зданиям. Сюда относятся, например, коринфская капитель диаметром 0,52 м, барабан колонны и база диаметром 0,72 м, фрагмент большого каннелированного каменного пилястра с неглубокими каннелюрами шириной около 7 см. Послед-

¹ В. Д. Блаватский. Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. Вспомогательная история архитектуры, т. II, 2, М., 1948, стр. 388—391, табл. 19.

² R. Bohn, *Das Heiligtum der Athene pollas Nikephoros, Altumér von Pergamon*, Berlin, 1855, стр. 37.

ний, судя по месту находки, принадлежал зданию театра, вновь расширенного и перестроенного в это время¹.

Мелкие архитектурные фрагменты отличаются от крупных деталей откровенной варваризацией стиля. Их нельзя отнести к какому-либо определенному архитектурному ордеру. Нередко в них грубовато соединяются черты нескольких ордеров, главным образом дорийского и ионийского; иногда вспыхивают наивные реминисценции архитектурных форм эллинистического периода; чаще же всего их обломы — плод варварской фантазии самого исполнителя. В этих порезках живописность примитивных украшений явно преобладает над архитектурной логикой.

В противоположность мелким каменным архитектурным деталям частных домов и надгробных сооружений, крупные известняковые капители, колонны и базы, а также фрагменты больших кессонированных плафонов и других элементов архитектурного декора местной выделки отличаются ремесленной подражательностью аналогичным заморским изделиям из мрамора.

Можно предположить, что срочная необходимость возведения крупных общественных зданий, а также дороговизна и неудобства перевозки слишком громоздких и тяжелых изделий из мрамора заставляли римскую администрацию прибегать иногда к использованию местных материалов для отделочных работ и к услугам херсонесских ремесленников. Возможно, последние в таких случаях трудились под руководством более квалифицированных приезжих зодчих и резчиков по камню.

С конца II в. н. э. до IV столетия в Херсонесе, по-видимому, все сильнее разрасталось строительство богатых частных домов. Этим только и можно объяснить широкое применение в это время готовых привозных деталей внутренней отделки помещений. Как раз в этот период ионийский ордер был почти вытеснен из римской архитектуры более удобным для использования в самых различных частях зданий коринфским ордерам, который к тому же был более парадным и живописным. Одновременно появился и композит, соединивший в одно пышное целое наиболее декоративные элементы обоих ордеров. В Херсонесе найдено большое количество разнообразных обломков небольших плоских пилястровых капителей коринфского и композитного ордеров, а также гладких или украшенных рельефными орнаментами облицовочных плит, мелких карнизов, завершавших мраморные панели, изящно профилированных декоративных архи-

---

¹ О. И. Домбровский. Античный театр в Херсонесе. Сообщения Херсонесского музея, I, Крымиздат, 1960, стр. 35.

вольтов и других деталей внутренней отделки помещений.

Судя по ним, интерьеры некоторых частных жилищ Херсонеса отличались относительной роскошью, подражавшей довольно заурядному великолепию дворцов и вилл крупных провинциальных городов римской империи.

Найденные в Херсонесе привозные изделия из различных

Рис. 4. Фрагменты мелких привозных мраморных капителей пилястр.

сортов мрамора по профилям и размерам, по характеру резьбы и художественному стилю часто совпадают с аналогичными архитектурными деталями других городов. Так, небольшие плоские одно-сторонние капители пилястр коринфского и композитного ордера из Херсонеса (рис. 4) находят очень близкие аналогии в капителях такого же периода, хранимых в римском Антиквари и музеях Неаполя¹. Такие же капители можно встретить в Таренте и Аквилее². Капители в Ниме перепевают растительные мотивы, присущие коринфскому и композитному ордерам и имеют почти такие же размеры³. Нимфей в Аспенде дает образец антаблемента композитного ордера с растительным орнаментом, овами и зубцами⁴, весьма близкий к некоторым аналогичным фрагментам коллекции Херсонесского музея.

¹ K. Ronzewski, *Römische kapitelle mit pflanzlichen Voluten*, Beiblat zum JDI, 46, I/II, Berlin, 1931, стр. 14, 18, 19, 26, 27, 30, 36, 38. Его же, *Eine kapitellgruppe aus Hadrianischer zeit*, Beiblat zum JDI, 48 III/IV, Berlin, 1933, стр. 407—419.

² K. Ronzewski, *Kapitelle aus Tarent*, JDI, AA, XLII, 1927, стр. 263, сл.

³ K. Ronzewski, *Römische kapitelle...*, Beiblat zum JDI, 46 I/II, Berlin, 1931, стр. 62.

⁴ H. Hörman, *Das Nymphäum zu Aspendos*, JDI, 44, 1929, стр. 266, рис. 5.

По характеру резьбы, стилю, по совпадениям в профилировке и орнаментике видно, что все эти изделия исходили из одного-двух центров массового изготовления таких деталей. Судя по материалу, главным поставщиком Херсонеса с III—IV вв. стал о. Проконнес, из каменоломен которого и позднее шли готовые архитектурные детали, надгробия и т. п. изделия. Вместе с тем среди декоративных мраморных поделок небольших размеров в Херсонесе встречаются украшения и облицовки и из других сортов мрамора. Многие из них по своему характеру чужды восточно-эллинистическим веяниям. По-видимому, разбогатевшая торговая знать Херсонеса, как, вероятно, и не менее богатые представители его римской администрации, не останавливались перед затратами на доставку отделочных материалов и архитектурных украшений из столицы и глубинных центров империи. Они охотно следовали архитектурной моде своего времени и создавали для себя обстановку, соответствующую их романизованному вкусу. Что касается общественных зданий Херсонеса III—IV вв., то, если судить по остаткам театра и по крупным архитектурным деталям других построек, их отделка была относительно скудной, малохудожественной и даже небрежной, она, по-видимому, являлась делом рук исключительно местных мастеров, чье искусство варваризировалось, грубело и принимало все более ремесленный характер.

ЛИТЕРАТУРА О ХЕРСОНЕСЕ, ВЫШЕДШАЯ В 1959—1960 гг.

- Сообщения Херсонесского музея, вып. I, Крымиздат, 1960.
Херсонесский сборник. Выпуск V. Крымиздат, 1959.
- Анохин В. А. Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиен. Краткие сообщения Института археологии АН УССР, вып. VIII., Киев, 1959.
- Белов Г. Д. К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода. Сб. „Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху“. Изд. АН СССР, Москва, 1959.
- Борисова В. В. Камень с изображением сатира и менады. СА, 1960, № 1.
- Гилевич А. М. Золотые византийские монеты из Херсонеса. СА 1959, № 1.
- Гилевич А. М. Клад монет из округи Страбонова Херсонеса. СА 1960, № 4.
- Маликов В. М. О некоторых культурных растениях древнего Херсонеса. „Виноградарство и садоводство Крыма“, № 12. Симферополь, Крымиздат, 1959.
- Соломоник Э. И. Алтарь Немесиды из Херсонеса. ВДИ, 1960, № 2.
- Стржелецкий С. Ф. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине. Краткие сообщения Института археологии АН УССР, вып. VIII., Киев, 1959.
- Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. Сб. „Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху“. М., Изд. АН СССР, 1959.
- Суров Е. Г. Новая Херсонесская надпись. ВДИ, 1960, № 3.
- Талис Д. Л. К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса. Труды Государственного исторического музея. Вып. 37. Археологический сб., М., 1960.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Материалы и исследования по археологии АН СССР, № 63. М., 1959.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИБ — Археология и история Боспора.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГХМ — Государственный Херсонесский историко-археологический музей.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИАДК — История и археология древнего Крыма.

- ИААН — Институт археологии Академии наук.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ — Московский государственный университет.
ОАК — Отчеты археологической комиссии.
СА — Советская археология.
СГХМ — Сообщения Государственного Херсонесского историко-археологического музея.
УЗИКУ — Ученые записки Императорского Казанского университета.
Хсб — Херсонский сборник.
CIL — Corpus Inscriptiones Latinarum.
I.G — Inscriptiones Graecae.
IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
K — W — G. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland.
RA — Revue Archéologique.
RE — Pauly Wissowa Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft.
J. D I — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. Публикация памятников

<i>Н. П. Сорокина.</i> Архитектурная терракота Херсонеса	3
<i>Л. Г. Колесникова.</i> Стелы с изображением оружия	13
<i>А. П. Иванова.</i> Мраморная фигурка мальчика	21
<i>З. А. Билимович.</i> Граффито на чернолаковой тарелке	26
<i>Э. И. Соломоник.</i> Эпиграфические заметки	31
<i>В. В. Борисова.</i> Черепица с клеймами римских легионов	39
<i>А. Н. Щеглов.</i> Светильники с клеймом ХРУСОУ	45
<i>А. М. Гилевич.</i> Могила с двумя подбоями	51
<i>В. Н. Даниленко.</i> Позднеантичное погребение	57
<i>В. М. Маликов.</i> Новый вариант дверного замка XIII—XIV вв.	62

Б. Экспедиции

<i>Е. Г. Суров.</i> Раскопки в северо-западном районе городища	67
<i>А. Н. Щеглов.</i> Разведки 1959 года на западном побережье Крыма	70

В. Фонды

<i>О. И. Домбровский, Е. А. Паршина.</i> Архитектурные детали античного Херсонеса	80
Литература о Херсонесе, вышедшая в 1959—1960 гг.	90
Список сокращений	90

СООБЩЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

Выпуск 2

Редактор *П. Гармаш.* Художественный редактор *И. Литвинов.*
Технический редактор *Н. Исупова.* Корректор *С. Касьян.*

БЯ 00766 Объем: 5,75 п. л., 5,74 уч.-изд. л. Формат 60×92¹/₁₆. Тираж 1000 экз. Сдано в производство 26-VIII-1961 г. Подписано к печати 12-XII-1961 г. Крымоблтиполитография, г. Симферополь, проспект им. Кирова, 32/1. Заказ № 3039. Цена 28 коп.